

Великие битвы
Великой Отечественной

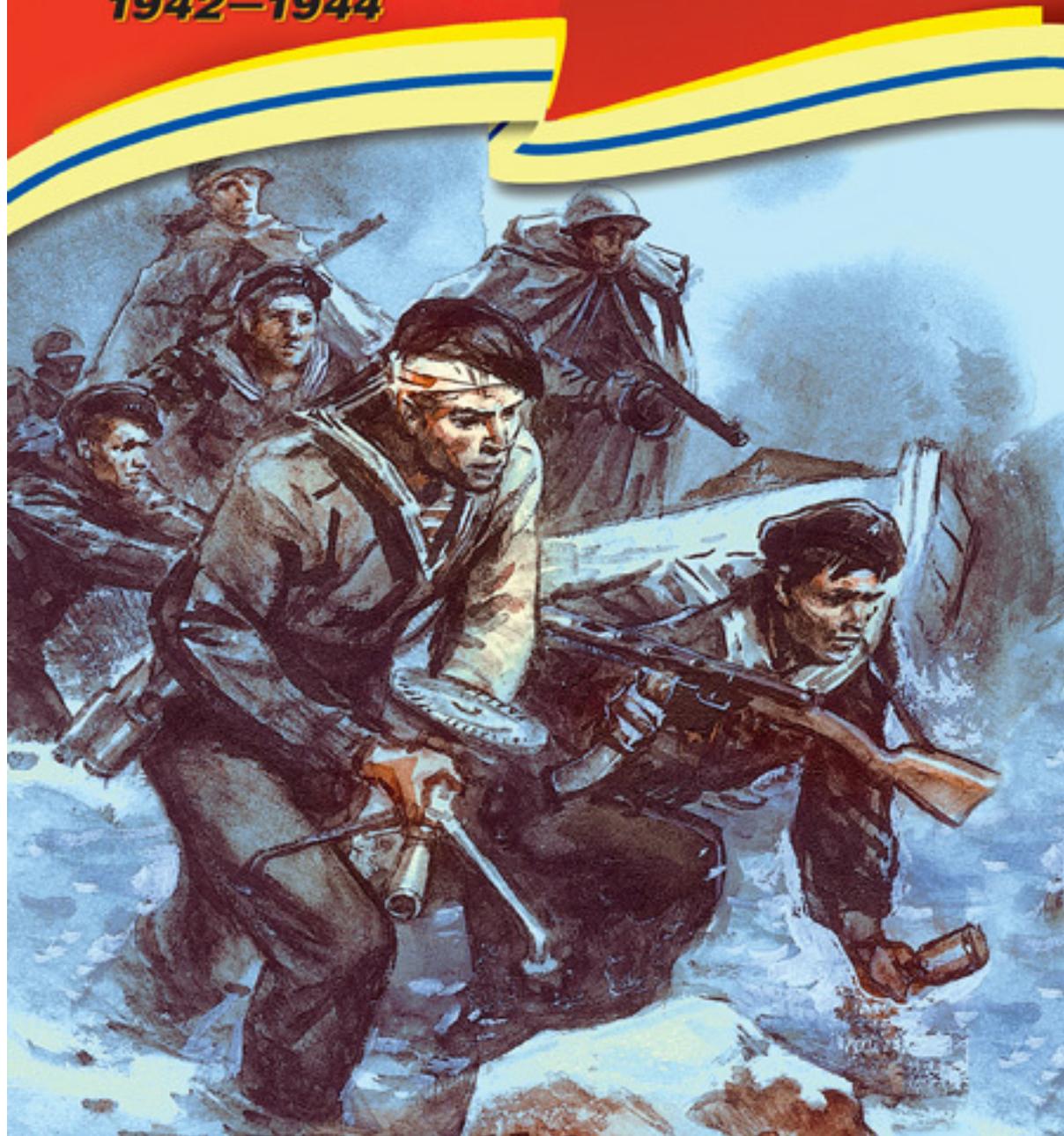
Сергей Алексеев

ОБОРОНА СЕВАСТОПОЛЯ

1941–1943

СРАЖЕНИЕ ЗА КАВКАЗ

1942–1944

Великие битвы Великой Отечественной

Сергей Алексеев

**Оборона Севастополя. 1941—1943.
Сражение за Кавказ. 1942—1944**

Издательство «Детская литература»

1975

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Алексеев С. П.

Оборона Севастополя. 1941—1943. Сражение за Кавказ. 1942—
1944 / С. П. Алексеев — Издательство «Детская литература»,
1975 — (Великие битвы Великой Отечественной)

ISBN 978-5-08-005502-7

Автор – известный детский писатель, участник Великой Отечественной войны (1941–1945) – рассказывает школьникам о ее главных битвах. Шесть книг серии описывают подвиг нашего народа в освобождении родной страны и Европы от фашистских захватчиков. Третья книга серии посвящена героям Севастополя (1941–1943) и Кавказа (1942–1944). 70-летию Победы в Великой Отечественной войне посвящается. Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-08-005502-7

© Алексеев С. П., 1975
© Издательство «Детская
литература», 1975

Содержание

Оборона Севастополя. 1941 —1943	8
Пять и десять	11
Большая семья	13
Тройка	15
Плавучая батарея	17
Без звания и названия	19
Волшебный клинок	21
Учитель	23
Плеврит, бронхит	25
Особое задание	27
Ной Адамия	29
«Есть и будет!»	31
Выходное платье	32
Птицу в полете схватят	34
Иван Голубец	36
Новое оружие	38
Рыба севастопольского улова	40
Вещественное доказательство	42
«Крокодил»	44
Улица Пьянзина	46
«Карл» и «Дора»	48
Три танка	50
Богатырские фамилии	52
В севастополе ждали «Грузию»	54
Константиновский равелин	56
«Все здесь!»	58
Безупречный	60
Херсонес	62
Мы пришли, Севастополь!	64
Обухов	66
Матросское сердце	68
Сражение за Кавказ. 1942-1944	70
Южнее Ростова	73
«Варвара»	75
«Эх, жаль, комиссар не видит!»	77
«Затонула»	79
Эльхотовские ворота	81
Миссисипи с Миссури	83
Охота на мамонтов	85
Морская профессия	87
История с Барманцаком	90
Кавказские перевалы	92
Красивый в кавалерии, сильный в артиллерии	94
Метелицей вьются пули	96
Крест на перевале	98
Донгуз-Орун-Баши	100

Шашлык по-кавказски	102
Два капитана	104
Привет с Кавказа	106
Сто ветров	108
Почетное место	110
Лист осенний	112
Горегляд	114
Сто красавиц	116
Два обеда	118
Двенадцать тополей	120
Письмо	122
«Ахтунг! Ахтунг!»	124
Кобрик и Киттихаук	126
Основной и демонстративный	128
Как пушки купались в море	130
Подвиг Корницкого	132
Сборная флота	134
Старички	136
«Нептун»	138
Подарок	140
«Берегись Бартова!»	142
Сега с корабельной	144
Госпитальная	146
С востока, с запада, с юга	148
Назовите фамилию	150
Старшина Иван Прохоров	152
Гадание на Ромашкине	154
«Голубая линия»	156
«Бабушка в окошке»	158
«Кримгильда» и «Брунгильда»	160

Сергей Алексеев
Оборона Севастополя. 1941–1943. Сражение
за Кавказ. 1942–1944: рассказы для детей

Великая Отечественная война 1941–1945

Книги серии:

- ★ Московская битва. 1941—1942
- ★ Сталинградское сражение. 1942—1943
- ★ Оборона Севастополя. 1941–1943 Сражение за Кавказ. 1942—1944
- ★ Подвиг Ленинграда. 1941—1944
- ★ Победа под Курском. 1943 Изгнание фашистов. 1943—1944
- ★ Взятие Берлина. Победа! 1945

Художники **А. Лурье** и **Д. Поляков**

Оформление серии **Е. Валерьяновой, Т. Яковлевой**

Сергей Алексеев

**ОБОРОНА
СЕВАСТОПОЛЯ**

1941—1943

СРАЖЕНИЕ ЗА КАВКАЗ

1942—1944

Оборона Севастополя. 1941 —1943

Медаль
«За оборону Севастополя»

Севастополь. Город русской доблести, русской гордости, русской славы. Всем известна знаменитая оборона Севастополя под руководством адмиралов Нахимова и Корнилова в XIX веке во время Крымской войны.

В годы Великой Отечественной войны на долю Севастополя выпали новые испытания.

Еще в первые месяцы войны, когда у фашистов было больше пушек и танков, самолетов и минометов, враги прорвались к городу Севастополю.

В октябре 1941 года началась героическая оборона Севастополя. Продолжалась она 250 дней.

Много великих подвигов во имя Родины и свободы совершили отважные защитники Севастополя. О вечной славе Севастополя, о бессмертных героях севастопольской обороны и написаны эти рассказы.

Цикл рассказов завершается 1944 годом, тем временем, когда после разгрома фашистских войск на Курской дуге, а затем на Днепре советские воины ворвались в Крым и принесли свободу всему Крыму и городу Севастополю.

Пять и десять

Десять танков ползут по полю. А в обороне лишь пять матросов. Десять танков и пять матросов. Возьми бумагу, реши задачу: кто здесь сильнее, за кем победа?

1941 год. Октябрь. Фашисты прорвались в Крым, подошли к Севастополю. Начались бои на оборонительных севастопольских рубежах. Одна из фашистских танковых колонн приближалась к селению Дуванкой.

Двигались танки. За ними пехота. Место открытое. Вдруг блиндаж. Огонь ударил врагам навстречу. Минута, вторая. И вот четыре танка горят, как порох.

Повернули назад фашисты:

- Там «черная туча»!
- Там «черные дьяволы»!
- «Черная смерть»!

«Черная туча», «черные дьяволы», «черная смерть» – так фашисты называли советских моряков. Боялись они матросов.

В блиндаже под Дуванкою действительно были матросы. Не туча, правда. Лишь пять человек. Комсомольцы Юрий Паршин, Василий Цибулько, Иван Красносельский, Даниил Одинцов. Пятым – старшим – был политрук коммунист Николай Дмитриевич Фильченков.

Отходят фашисты:

- Там «черная туча»!
- Там «черные дьяволы»!
- «Черная смерть»!

Прошло несколько часов, прежде чем фашисты вновь начали здесь наступление. Снова танки ползут по полю. Гудят моторы. Скрипит железо.

- Ближе, подпускай ближе, – командует Фильченков. – Не торопись, ребята!
- Не торопись, Цибулько, – повторяет себе Цибулько.

– Не торопись, не торопись, не торопись, – повторяют Паршин, Одинцов, Красносельский.

– Давай! – командует Фильченков.

Полетели вперед гранаты. Полетели бутылки с горючей жидкостью. Застрочили потом пулеметы. И снова гранаты. И снова бутылки с горючей смесью.

Застыло, казалось, время. Секунды идут годами.

Вновь отошли фашисты. Переждали. Перестроились. Снова пошли в атаку. В бою матросы. В крови тельняшки. Огонь, как лава, съедает травы.

– Давай, ребята!

– Держись, ребята!

Летят гранаты. Долго длился упорный бой. Но вот у моряков вышел запас патронов. Нет больше бутылок с горючей жидкостью. Вот-вот и конец гранатам.

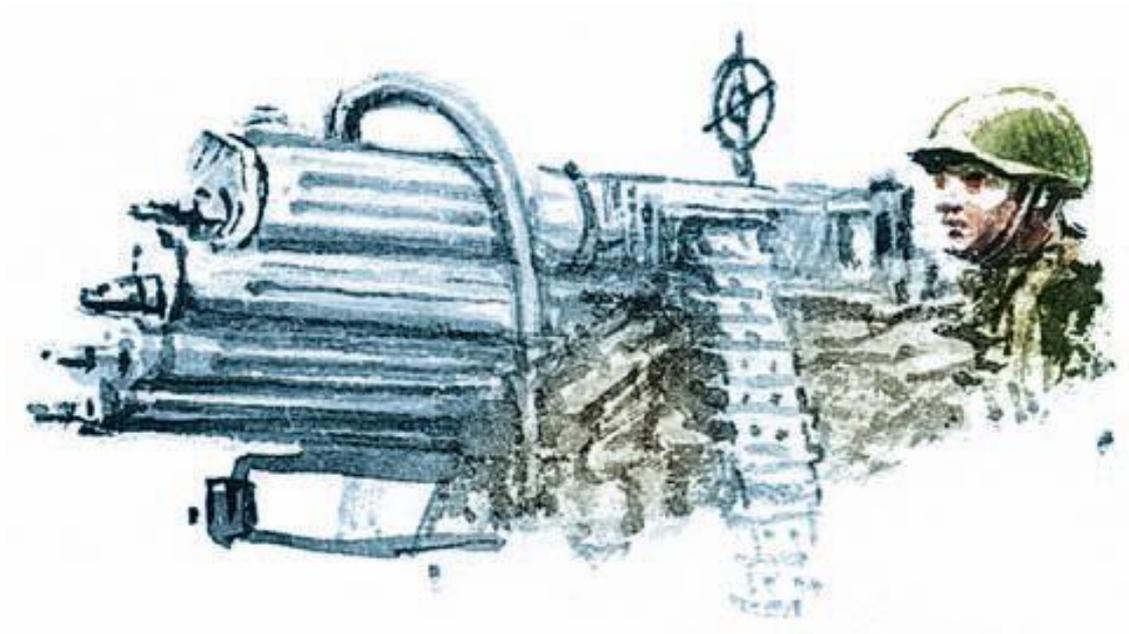
Тогда поднялся политрук Фильченков. Увлёк матросов вперед, в атаку. Вперед, на танки, пошли герои. Гранаты в руки. Навстречу силе. Навстречу смерти. Навстречу славе.

Когда к героям пробилась помощь, бой был закончен. Дымились танки. Их было десять. Металл и люди. Возьми бумагу, реши задачу: кто здесь сильнее, за кем победа?

Сегодня в небо под Дуванкоем граненым шпилем поднялся мрамор. То дань бесстрашным, то дань отважным. И сокол плавно парит над полем. Хранит он небо и сон героев.

Большая семья

Произошло это в бригаде морских пехотинцев, которой командовал полковник Петр Филиппович Горпищенко. Много отважных солдат у Горпищенко. В тяжелых боях бригада.

На одном из участков обороны бригады сложилось так, что тут против советской стрелковой роты наступало сразу три фашистских батальона. Командир роты незадолго до этого был убит. Заменял командира политрук Кочанов.

Молод совсем политрук Кочанов. Усы всего неделю как бреет.

Любопытно бойцам:

– Посмотрим, какой командир из Кочанова!

– Усы неделю как бреет!

Молод совсем командир. А тут три батальона фашистов на роту лезут.

Понимает Кочанов: выйдешь в открытый бой – сомнут, раздавят тебя фашисты.

Что же делать? Как сохранить рубеж? Задумался Кочанов, вздохнул сокрушенно:

– Пропадай моя телега, все четыре колеса. Все четыре колеса, – повторил Кочанов.

И вдруг...

– Связной! Связной! – закричал Кочанов.

Подбежал связной.

– Слушаю, товарищ политрук, товарищ командир, – поправился.

– Машины сюда, быстро!

Подогнали три грузовые машины.

– Пулеметы сюда, немедленно!

Тащат сюда пулеметы.

– Отставить. Не те. Спаренные! Отставить! Не те. Четверенные!

Были в роте такие противозенитные пулеметы – четыре ствола у каждого. Притащили сюда пулеметы.

– Грузи!

– Залезай!

– Крепи!

Укрепили на грузовиках счетверенные пулеметы. Получились, как встарь, тачанки. Разница только в том – не на конной, на моторной «тачанки» тяге.

Поставил Кочанов «тачанки» в укрытие. Выждал, когда в атаку пошли фашисты. Вот развернулись фашисты широким фронтом. Устремились вперед, на наших.

– Атакуй! – прокричал Кочанов.

Сорвались «тачанки» с места. Рванулись врагам навстречу. Кругами пошли по полю. Заговорили огнем пулеметы. Дружно – в едином хоре. Сразу баят – двенадцать.

Побежали назад фашисты.

Снова ходили они в атаку: три батальона на советскую роту. Устояла советская рота. Удержали рубеж солдаты. Отступили опять фашисты.

Довольны солдаты. Вспоминают лихую атаку. Вспоминают Кочанова.

– Вот тебе и усы неделю как бреет.

Узнал о бое полковник Горпищенко.

– Смелых люблю, умелых уважаю, – сказал командир бригады.

Затем добавил:

– А тех, кто и смел и умел, сыном своим считаю.

Обнял он крепко Кочанова.

Много смелых, много умелых, много под Севастополем сынов у Горпищенко. Скажем прямо – семья большая.

Тройка

Подшли к Севастополю фашисты. Блокировали город с суши. Путь к Севастополю – только морем. Но и морем пути опасны.

Морские пути к Севастополю враги заминировали.

Особенно грозными были магнитные мины. Чтобы взорвалась обычная мина, корабль должен был ее задеть или на нее наткнуться. Магнитная мина взрывалась на расстоянии. Лежит на дне моря или залива такая мина, ждет, когда над этим местом пройдет корабль. Только оказался корабль над миной – сразу страшный взрыв.

Таковыми минами и перегородили фашисты морские подступы к Севастополю.

Старший лейтенант Дмитрий Глухов вызвался проложить для наших судов проход через поле магнитных мин.

– Проложить?

– Так точно! – по-армейски чеканит Глухов.

Старший лейтенант Глухов был командиром быстроходного морского катера. Катер маленький, юркий, быстрый. Он как игрушка в руках у Глухова. Пригласил как-то Глухов своих товарищей к берегу Севастопольской бухты. Сел в свой катер. Как метеор по воде пронесся.

– Понятно? – спросил товарищей.

Ничего никому не понятно.

Снова отчалил от берега Глухов. Включил во всю мощь моторы. Вспенил катер морскую воду, понесся по водной глади. Глянешь сейчас на Глухова – словно на тройке летит по морю.

Снова Глухов причалил к берегу.

– Понятно?

– Допустим, понятно, – отвечают ему офицеры. Догадались они, в чем дело.

Предложил Глухов на своем быстроходном катере промчаться по минному полю. Уверял он, что мины хотя и взорвутся, но не заденут катер. Проскочит катер. Сзади мины будут уже взрываться.

– Да я тут все подсчитал, – заявляет Глухов. Доложил он командирам свои подсчеты. Цифры разные на листке. – Вот скорость катера, вот время, необходимое для взрыва мины. Вот расстояние, на которое за это время от места взрыва отойдет катер, – перечисляет Глухов.

Смотрят командиры на цифры.

– Все без ошибки, – уверяет Глухов.

Посмотрели командиры на Глухова. Дали ему разрешение.

И вот катер дельфином метнулся в море. Смотрят за ним командиры. Прошел катер совсем немного. И сразу страшный взрыв. Брызги вулканом рванулись к небу.

– Погибли?!

– Волной накрыты?!

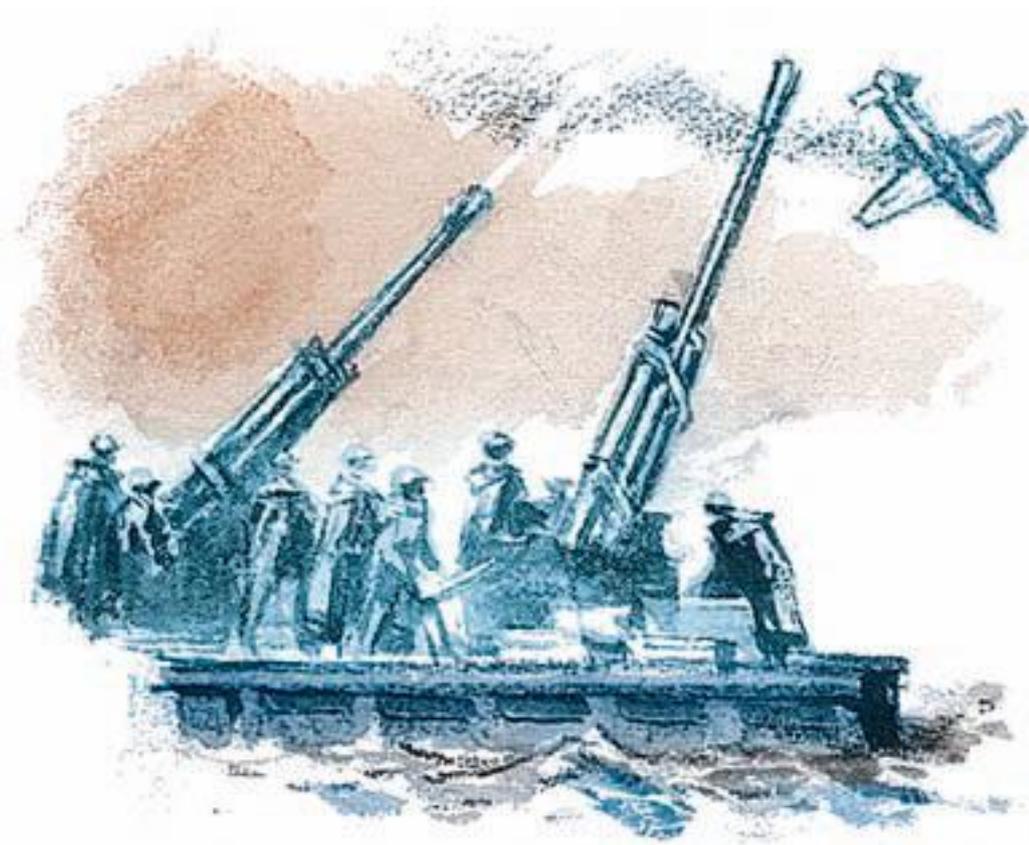
Но вот осели, как листья, брызги.

– Живы! Целы! – вздохнули с облегчением на берегу.

Мчится катер стрелой вперед. И снова взрыв. И снова к небу вода вулканом. За этим – третий, четвертый... Одиннадцать взрывов качнули небо. Открылся проход через минное поле. Развернулся катер. Помчался к берегу. Весел Глухов. Ликует Глухов. Посмотрите сейчас на Глухова. Словно не катер, а лихая тройка летит по морю.

Плавучая батарея

В ноябре 1941 года фашисты начали первое наступление на Севастополь. Три недели враги беспрерывно штурмовали город. Не пробились. Не прорвались. Не взяли.

Со всех сторон Севастополь прикрывали советские артиллерийские батареи. Среди тех батарей, которые обороняли подходы к городу с моря, была и одна – плавучая. Находилась батарея в открытом море на внешнем рейде. Построили ее на морском заводе. Отбуксировали подальше от берега, установили на якорь. На восемь метров в глубь моря уходила плавучая батарея. Глянешь сверху – как целый остров. 40 на 20 метров размер батареи.

Много хлопот доставляла батарея фашистам. Она не только прикрывала подходы к Севастополю с моря, но и первой начинала огонь по гитлеровским самолетам, совершавшим налеты на город. Фашисты решили уничтожить опасную батарею. Бросили против нее свои самолеты.

– Плавучая! – усмеваются фашистские летчики. – Как поплавок на воде. 40 на 20 – отличная цель. Да мы ее сразу, в один заход!

Вылетел первый фашистский летчик. Вот он в воздухе. Вот над морем. Подошел к батарее: «Ерунда. Пустяки. Я ее первой бомбой!»

Развернулся. Еще развернулся. Лег на прицельный курс.

Ждут на фашистской базе возвращения самолета. Не торопится что-то летчик. Время полета давно прошло. Удвоилось время. Утроилось. Не возвращается самолет.

Ясно на базе: недоброе что-то случилось с летчиком. И верно – недоброе. Сбили его батарейцы. Лежит он отныне на дне морском.

– Я полечу! Я докажу! – просится новый воздушный ас. – Я – сразу! Я – сразу! Да что там! Один заход!

И вот в небе летчик. Он над морем. Видна батарея.

Торжествует фашист: «Я ее – первой бомбой!» Разворот. Еще разворот. Проверил расчеты. Вошел в пике.

Ждут на базе возвращения самолета. Время полета давно прошло. Удвоилось время. Утроилось. Не возвращается что-то воздушный ас. Ясно на базе: недоброе что-то случилось с летчиком. И верно – недоброе. Сбили фашиста советские артиллеристы. Рядышком с первым утих он на дне морском.

В небо новые взмыли летчики: третий, четвертый, пятый.

– Мы живо! Мы живо! Раз плюнуть – один заход!

Вот море. Видна батарея. Ринулись самолеты на батарею.

Ждут на базе прилета летчиков. Время полета давно прошло. Удвоилось время. Утроилось. Удесятерилось. Не возвращается что-то третий. Не возвращается что-то четвертый. Не видно, не слышно пятого.

Все 250 дней героической обороны Севастополя стояла на боевом посту плавучая батарея. 26 фашистских самолетов уничтожили за это время советские артиллеристы.

Но не только разили они врагов. Своих под защиту брала батарея. Многим обязаны мы батарее. «Квадратом смерти» называли ее фашисты. «Квадратом жизни» мы вправе ее назвать.

Без звания и названия

Прошел ноябрь. Наступил декабрь. 17 декабря 1941 года, получив пополнение, фашисты начали второе наступление на Севастополь.

На одном из участков севастопольской обороны фашисты стали продвигаться вперед. Для отражения вражеского удара сюда был брошен батальон, срочно составленный из черноморских моряков. Пришли матросы прямо с кораблей. В полной морской форме, с полной морской выкладкой – даже скатанные валиком корабельные матрасики принесли. Пошли в окопах слова диковинные: *бак, полубак, рында, склянки, швартоввы, гюйс*. Замелькали кругом бескозырки. Зачернели кругом бушлаты.

Командовать батальоном был назначен майор-пехотинец Касьян Савельевич Шейкин.

Глянул Шейкин: хороши моряки, красивы!

И все же беспокойство не покидает майора Шейкина. Матрос не пехотинец. Сумеют ли матросы точно бросать гранаты, точно вести стрельбу? А вдруг штыковая атака, а вдруг рукопашный бой? «Эх, хотя бы день иметь для тактических занятий!» – сокрушался майор Шейкин. Однако где же здесь до тактических занятий. Наступают фашисты. Батальон тут же был брошен в бой.

Зря волновался Шейкин. Не подвели матросы сухопутного офицера. Встретили метким огнем фашистов:

– Полундра!

– Полундра!

Забросали врагов гранатами:

– Ну-ка вперед, голубушка!

– Ну-ка лети, любезная!

И снова свое:

– Полундра!

В штыки, как один, ударили.

Перевыполнили матросы даже свою задачу. Не только отбросили фашистов на исходные позиции, то есть туда, откуда враги начали свое наступление, но и сами прорвались вперед, побывали в фашистских окопах, посеяли страх и панику.

– «Черные дьяволы»!

– «Черная смерть»! – кричали опять фашисты.

Прославился смелостью батальон. Слава о героях прошла по фронту.

Как отдельная боевая единица батальон просуществовал всего два дня. Выполнил батальон свою боевую задачу, остановил врага, разошлись после этого матросы по разным соседним полкам и ротам. Создавался батальон срочно. Не успели поэтому присвоить ему ни номера, ни дать названия.

Сокрушался майор Шейкин:

– Как же так?! Как же без номера, без названия? Выходит, мол, части такой и вовсе в истории не было.

Зря сокрушался майор Шейкин.

Получил он свое название – *морской бесстрашный героический батальон*. Хоть и был он без номера, без звания и названия, а знает его история.

Волшебный клинок

Декабрь. Не утихают бои с фашистами. Все так же рвутся враги к Севастополю. Один из наиболее опасных участков севастопольской обороны в эти дни находился в районе за Бельбекской долиной.

Здесь, рядом с рекой Бельбек, сражались советские конники. Целая дивизия. Но не в конном строю. Мал здесь простор для конницы. Спешились кавалеристы. Дрались, как пехотинцы.

Страшной была здесь схватка. Особенно 21 декабря. Отражая атаки фашистов, погиб командир полка отважный подполковник Леонид Георгиевич Калужский. Только узнали об этом в дивизии, как новая страшная весть: на поле боя убит командир дивизии полковник Филипп Федорович Кудюров.

Бьются советские конники. Сил не хватает, вот-вот не удержатся.

Отражать атаки фашистов кавалеристам помогала зенитная батарея младшего лейтенанта Николая Воробьева. Ловко сражались зенитчики. Из своих пушек били по фашистским танкам, по пехоте противника. Стреляли вдаль и прямой наводкой. Разили в цель и отсекали огнем противника – то есть огнем перекрывали фашистам путь.

Восхищались конники меткой стрельбой зенитчиков. В знак благодарности подарили они младшему лейтенанту Воробьеву кавалерийский клинок.

Кто-то сказал:

– Волшебный!

Принял подарок артиллерист. Решает, чем же ответить конникам.

– Залпом, залпом по фашистам, – подсказывают товарищи.

В это время фашисты как раз бросились в новую атаку. Идут как стена, как лава.

Вскинул младший лейтенант Воробьев клинок.
– Огонь! – рубанул по воздуху.
Ударили зенитки. Метнули в фашистов сталь.
– Огонь! – снова кричит Воробьев.
И вновь клинок к небесам взлетает.
Еще быстрее теперь заработали артиллеристы. С новой силой бросились в бой и конники.
Отстояли герои свои позиции. Разгромили рвавшихся сюда фашистов.
Смотрит Воробьев на кавалерийский клинок. Согласен: клинок волшебный!

Учитель

До войны солдат Трубников был учителем. Русский язык преподавал в школе.

Под Севастополем Трубников сражался в стрелковой роте.

В дни декабрьского наступления фашистов, во время одного из боев, во фланг роте ударили две фашистские пушки. Били фашисты точно и большой урон наносили нашим.

Командир роты вызвал к себе группу бойцов. Среди них оказался и Трубников.

Дал командир бойцам боевое задание: подобраться незаметно к фашистским пушкам и заставить их замолчать.

– Заткнуть им глотки! – кратко сказал командир.

– Ясно, – бойцы ответили.

– Понятно, – ответил Трубников.

В группе Трубников был за старшего. Взяли бойцы автоматы, патроны, гранаты. Отправились в путь солдаты.

Перебежками, шагом, ползком, рывком, прижимаясь к земле и скалам, подобрались солдаты к фашистским пушкам. Метнули гранаты, автоматный огонь открыли. Перебитой лежит прислуга.

Подбежали солдаты к пушкам:

– Давай гранаты.

Достали бойцы гранаты.

– Взрывай их, братцы!

На пушки смотрят:

– Заткнем им глотки!

– Минутку. Стойте, – сдержал бойцов Трубников.

Повернулись бойцы на голос.

– Зачем же пушкам вдруг быть немymi, – сказал, улыбнувшись солдатам, Трубников. – Научим лучше их русской речи.

Не сразу смекнули бойцы, в чем дело. Речь о какой здесь речи? И вдруг поняли. У пушек горы лежат снарядов. Зачем же гибнуть зазря снарядам!

Зарядили солдаты пушки.

Развернули солдаты пушки.

– Огонь! – скомандовал Трубников.

Ударили пушки туда – по фашистам. Взорвали округу могучим басом.

За выстрелом первым – второй и третий. За третьим – четвертый, шестой, десятый...

– Ну как – по-русски? – кричит Трубников.

– По-русски, по-русски, по-нашенски, – в ответ солдаты.

Заговорили по-русски фашистские пушки.

Возвращались солдаты в родную роту. Шагает со всеми Трубников.

– И вправду – учитель! – смеются солдаты.

Плеврит, бронхит

Севастополь – южный, конечно, город. Однако декабрь есть декабрь. И здесь в декабре морозно.

Оделись бойцы в шинели. В бушлатах своих матросы. Фашисты тоже в зимней военной форме.

И вдруг... Смотрят бойцы – атакуют фашисты в одних мундирах. Было это 28 декабря 1941 года. Отдан строжайший приказ фашистским солдатам взять в этот день наконец Севастополь.

Смотрят наши бойцы на фашистов, гадают:

– Не завезли им, видать, шинелей.

Кто-то вставляет:

– Знают фашисты: жарко им будет в бою. Потому и шинели скинули.

И вот во время одной из атак группа бесшинельных фашистских солдат была взята нашими в плен. Стоят они, сутулятся, жмутся от страха, от ветра, от холода.

Наши бойцы к фашистам:

– Почему без шинелей?

– Не завезли вам, видать, шинелей.

– Из Италии, из Африки, что ли, сюда вы на помощь прибыли?

– Найдн, найдн (то есть «нет»), – говорят фашисты. – Имеем шинели. Положена каждому.

– Так где же шинели?

– Сдать приказали.

– Как приказали? Зачем приказали?

Оказывается, верно: был отдан такой приказ. Приказали фашистские генералы: сдать солдатам свои шинели.

– Получите в Севастополе, – объяснили фашистские офицеры своим солдатам, – и обед, и шинели.

– И обед?

– И шинели?

– Да, – говорят офицеры. – И ордена.

Были уверены фашисты, что их солдаты ворвутся в этот день в Севастополь. Чтобы лучше сражались, отняли у них шинели.

Рассмеялись советские бойцы. Смотрят они на фашистов.

– Да пока к Севастополю вы прорветесь, простуду, чахотку схватите.

– Насморк!

– Кашель!

– Плеврит!

– Бронхит!

И в этот день не прорвались враги в Севастополь. Не помогли и снятые шинели.

Особое задание

Задание было необычным. Называлось оно особым. Командир бригады морских пехотинцев полковник Горпищенко так и сказал:

– Задание необычное. Особое. – Потом переспросил: – Понятно?

– Понятно, товарищ полковник, – ответил старшина-пехотинец – старший над группой разведчиков.

Был он вызван к полковнику один. Вернулся к своим товарищам. Выбрал в помощь двоих, сказал:

– Собирайтесь. Задание выпало нам особое. Однако что за особое, пока старшина не говорил. Дело было под новый, 1942 год. Ясно разведчикам: в такую-то ночь, конечно, задание сверхособое. Идут разведчики за старшиной, переговариваются:

– Может, налет на фашистский штаб?

– Бери выше, – улыбается старшина.

– Может, в плен генерала схватим?

– Выше, выше! – смеется старший. Переправились ночью разведчики на территорию, занятую фашистами, продвинулись вглубь. Идут осторожно, крадучись.

Опять разведчики:

– Может, мост, как партизаны, идем взрывать?

– Может, на фашистском аэродроме произведем диверсию?

Смотрят на старшего. Улыбается старший.

Ночь. Темнота. Немога. Глухота. Идут в фашистском тылу разведчики. Спускались с кручи. На гору лезли. Вступили в сосновый лес. Крымские сосны вцепились в камни. Запахло приятно хвоей. Детство солдаты вспомнили.

Подошел старшина к одной из сосенок. Обошел, посмотрел, даже ветви рукой пощупал.

– Хороша?

– Хороша, – говорят разведчики.

Увидел рядом другую.

– Эта лучше?

– Сдается, лучше, – кивнули разведчики.

– Пушиста?

– Пушиста.

– Стройна?

– Стройна!

– Что же – к делу, – сказал старшина. Достал топор и срубил сосенку. – Вот и все, – произнес старшина. Взвалил сосенку себе на плечи. – Вот и управились мы с заданием.

– Вот те и на-а! – вырвалось у разведчиков.

На следующий день разведчики были отпущены в город, на новогоднюю елку к детям в детский дошкольный подземный сад.

Стояла сосенка. Стройна. Пушиста. Висят на сосенке шары, гирлянды, разноцветные фонарики горят.

Вы спросите: почему же сосна, не елка? Не растут в тех широтах елки. Да и для того чтобы сосенку добыть, надо было к фашистам в тылы пробраться.

Не только здесь, но и на Корабельной стороне, и в Инкермане, да и в других местах Севастополя зажгли в тот нелегкий год для детей новогодние елки.

Видать, не только в бригаде морских пехотинцев у полковника Горпищенко, но и в других частях задание для разведчиков в ту предновогоднюю ночь было особым.

Ной Адамия

Не взяли враги в декабре Севастополь. Провалился и этот штурм. Продолжает сражаться город.

Фашистское орудие било по нашим. Пятеро фашистов здесь при орудии: один заряжает, второй стреляет, двое подносят снаряды, пятый – сам командир орудия.

Стреляет пушка.

– Огонь!

– Огонь!

Снова крикнул фашист:

– Огонь!

Однако не грянул выстрел. Посмотрел командир на пушку. Есть подносчики, есть заряжающий. А где же стреляющий?

Раскинул руки, у пушки лежит стреляющий. Над правой бровью от пули след.

Недолго на войне замешательство. Заряжающий стал стреляющим. Один из подносчиков стал заряжающим.

Снова стреляет пушка.

– Огонь!

– Огонь!

Снова крикнул фашист:

– Огонь!

Однако снова не грянул выстрел. Посмотрел командир на пушку. Есть подносчик. Есть заряжающий. А где же стреляющий?

Раскинул руки, у пушки лежит стреляющий. Над левой бровью от пули след.

Коротко на войне замешательство. Заряжающий стал и стреляющим: сам заряжает и сам стреляет. Снова в работе пушка.

– Огонь!

– Огонь!

Снова кричит офицер:

– Огонь!

Не отозвалась команде пушка. Посмотрел командир на орудие. В живых у пушки остался всего лишь один солдат. Прицелился этот один – последний, приготовился только к выстрелу, как тоже у пушки рухнул. А следом за ним и пятый – сам командир орудия.

Посмотрел из-за укрытия старшина Ной Адамия.

– Порядок! – сказал Адамия. Старшина Ной Адамия был снайпером. Это его работа.

...По извилистой крымской дороге едет фашистская штабная машина с открытым верхом. Пять человек в машине. Четверо из них – офицеры. Трое – сзади. Один – впереди. Важно сидит с водителем.

Трое – сзади. В центре – высокий. Ведет оживленную он беседу. То – слово к соседу слева, то – слово к соседу справа, то обратится к тому, кто важно сидит впереди с водителем.

Вот снова он повернулся к соседу справа. Глянул – ахнул: качнулся, осел сосед. Понимает высокий: убит сосед. Повернулся быстро к тому, что слева. И этот убит, что слева. Глянул вперед на того, что важно сидит с водителем. Видит: от пули качнулся важный. Еще секунда – и носом в баранку ткнулся и сам шофер.

– А-а-ай! – закричал высокий.

Вильнул автомобиль на крымской лихой дороге. Секунда – и с кручи как камень вниз.

Поднялся из-за придорожных камней снайпер старшина Ной Адамия.

– Порядок! – сказал Адамия.

Бывали дни, когда по десять, двадцать и даже тридцать фашистов сражал из своей винтовки прославленный Ной Адамия. Почти триста фашистов уничтожил Адамия под Севастополем.

За свой ратный подвиг Ной Адамия награжден высшей наградой Родины. Он стал Героем Советского Союза.

«Есть и будет!»

Разговорились как-то, сидя в окопе, солдаты о том, что у фашистов снарядов много.

– И мин.

– И бомб.

– И взрывчатки разной.

Действительно, не испытывали фашисты под Севастополем недостатка в боеприпасах.

– Много снарядов, много, – соглашался с другими солдат Репков. – Много. А все же – убавить можно.

Солдаты сразу с вопросом:

– Как?

– Можно, – подтверждает Репков. Однако, как же их поубавить, не говорит.

Не терпится солдатам, гадают вопросами:

– Взрывать поезда со снарядами?

– Можно и так, – отвечает Репков. – А можно и по-другому.

– Топить корабли с боеприпасами?

– Можно и корабли на подходах топить, – соглашается Репков. – А можно и по-другому.

– Отбивать у фашистов склады?

– Можно и отбивать. А можно и вовсе иначе, – отвечает опять Репков.

Надоела солдатам загадка Репкова. Отстали они с вопросами.

Ночью Репков исчез из окопа. «Куда бы?», «зачем бы?» – гадают солдаты. Было это на участке севернее Севастополя. Пробрался солдат в соседний пустой овраг, выбрал склон, обращенный к фашистам. Стал в темноте возиться, что-то таскать к оврагу.

Когда рассвело, посмотрели солдаты, видят: по склону оврага из камней выложено два слова. Читают солдаты эти слова. А слова такие: «Смерть Гитлеру!»

Увидели слова и фашисты. Увидели, открыли ураганный огонь по оврагу. Грохотали, грохотали пушки. Разбили снаряды надпись.

Сосчитали наши бойцы, сколько снарядов фашисты потратили. Оказалось – 250.

– Ого-го! – покосились они на Репкова.

Ночью Репков снова пошел к оврагу. Восстановил солдат надпись. Рассвело. Надпись на старом месте.

Снова фашисты огонь открыли. Били, били, ревели пушки. Крошили снаряды надпись. Сосчитали снова наши бойцы, сколько снарядов враги потратили. Оказалось – 300.

Спускается вечер. Снова к оврагу спешит Репков.

– Разоришь ты фашистов! – смеются солдаты. – По миру босыми пустишь. – А сами удаче рады.

Не только здесь, на северной стороне, но и в других местах вокруг Севастополя стали появляться из камня надписи. Расстреливали их фашисты из пушек, бомбили с воздуха. Однако надписи вновь восстанавливались.

Одна из них была особенно ненавистна фашистам. Была она выложена огромными трехметровыми буквами в самом городе, на крутом склоне Исторического бульвара. Далеко виднелась и с земли и с воздуха эта надпись. Вот ее слова: «Севастополь был, есть и будет советским!» Верная очень надпись.

Выходное платье

Было это еще до начала войны с фашистами. Кате Извековой подарили родители новое платье. Платье нарядное, шелковое, выходное.

Не успела Катя обновить подарок. Грянула война. Осталось платье висеть в шкафу. Думала Катя: завершится война, вот и наденет она свое выходное платье.

Фашистские самолеты не переставая бомбили с воздуха Севастополь.

Под землю, в скалы ушел Севастополь.

Военные склады, штабы, школы, детские сады, госпитали, ремонтные мастерские, даже кинотеатр, даже парикмахерские – все это врезалось в камни, в горы.

Под землей организовали севастопольцы и два военных завода.

На одном из них и стала работать Катя Извекова. Завод выпускал минометы, мины, гранаты. Затем начал осваивать производство авиационных бомб для севастопольских летчиков.

Все нашлось в Севастополе для такого производства: и взрывчатка, и металл для корпуса, даже нашлись взрыватели. Нет лишь одного. Порох, с помощью которого подрывались бомбы, должен был засыпаться в мешочки, сшитые из натурального шелка.

Стали разыскивать шелк для мешочков. Обратились на различные склады.

На один:

– Нет натурального шелка.

На второй:

– Нет натурального шелка.

Ходили на третий, четвертый, пятый.

Нет нигде натурального шелка.

И вдруг... Является Катя. Спрашивают у Кати:

– Ну что – нашла?

– Нашла, – отвечает Катя.

Верно, в руках у девушки сверток.

Развернули Катин сверток. Смотрят: в свертке – платье. То самое. Выходное. Из натурального шелка.

– Вот так Катя!

– Спасибо, Катя!

Разрезали на заводе Катино платье. Сшили мешочки. Засыпали порох. Вложили мешочки в бомбы. Отправили бомбы к летчикам на аэродром.

Вслед за Катей и другие работницы принесли на завод свои выходные платья. Нет теперь перебоев в работе завода. За бомбой готова бомба.

Поднимаются летчики в небо. Точно бомбы ложатся в цель.

Птицу в полете схватят

Разведчики. Здесь, под Севастополем, много их, лихих и отважных. Если надо, со дна морского иглу достанут, птицу в полете руками схватят.

Разведчики, матросы Ноздрачев, Поляков и Митрохин, получили задание пленить штабного фашистского офицера.

Советским командирам надо было срочно узнать о последних фашистских приказах.

Отправились в путь разведчики. Сидели в засадах, выходили к дорогам. Не попадаете им офицер из штаба.

Подумал Ноздрачев: «Где лучше всего искать штабного офицера?» И тут же себе ответил: «Конечно, в самом же фашистском штабе». Обратился к друзьям по разведке:

– А что, если к фашистам в штаб?

– Ну что же, – сказал Поляков.

– Рискнем, – поддержал Митрохин.

Дождались разведчики ночи. Подкрались к фашистскому штабу. Осторожно, без шума убрали охрану. Тихо, пустынно в штабе. Дежурный офицер, развалившись на стуле, дремлет. Вот она спит, удача!

Сейф железный стоит в углу. Вот они где, приказы!

– Guten morgen, с добрым утром! – толкнул Ноздрачев фашистского офицера.

Открыл тот глаза. Не понял, в чем дело.

«Guten morgen», – хотел сказать. Вдруг видит: люди в советской военной форме.

– Руки вверх! – прокричал Ноздрачев.

Заморгал офицер. Отскочила, словно чужая, челюсть.

– Руки вверх! – повторил Ноздрачев.

Рванулся офицер к пистолету. Но в ту же секунду разведчики скрутили фашисту руки. Довольны матросы. В руках добыча.

Показал Ноздрачев офицеру на сейф. Потребовал ключ у фашиста.

Заикается тот, отвечает: мол, нет ключа, у начальства ключ.

Проверили разведчики у офицера карманы. Верно, нет у него ключа.

Как же быть? Может, гранатой сейф подорвать? Может, попробовать стукнуть ломом?

– Не то, не то, – понимает Ноздрачев. Смерть для разведчика, если – с шумом.

Жаль уходить, не открывши сейф. Ясно: именно там приказы.

Посмотрел Ноздрачев на Митрохина, на Полякова. Подошел к железу. Плечом попробовал. Поднажал. Сейф тяжелый. Однако сдвинулся. Поманил Ноздрачев Полякова, Митрохина:

– А ну с огоньком, ребята.

Подхватили матросы сейф. Потасили, кряхтя под ношей.

– Вперед! – скомандовал Ноздрачев фашистскому офицеру.

Тащили, тащили металл солдаты, а затем решили: пусть-ка добычу фашист несет. Взвалили тяжесть ему на плечи. Помогают, конечно, и сами. Сейф тяжелый, фашист пыхтит.

– Выше голову, выше! Шаг шире! – командует Ноздрачев.

Так и явились они к своим.

– «Язык» с «приданным», «язык» с «приданным»! – смеялись, встречая бойцов, солдаты.

Не зря тащили разведчики сейф, молодцы, что в пути не бросили. Когда вскрыли, оказалось – важнейшие в нем бумаги.

Смел, находчив матрос Ноздрачев. Да не только Ноздрачев.

Под Севастополем много лихих разведчиков. Волончук, Калинин, Филин, бесстрашная девушка Ольга Химич... Поручай им любое задание. Надо – птицу в полете руками схватят. Надо – с неба ночную звезду достанут.

Иван Голубец

Дальнобойная фашистская артиллерия стреляла по Севастополю. Один из снарядов пролетел над Стрелецкой бухтой, упал и разорвался на палубе сторожевого катера. Осколок снаряда пробил бензиновый бак. Вспыхнул пожар на катере.

Не один этот катер стоял в это время в Стрелецкой бухте. Рядом – другие военные корабли.

Страшен, конечно, пожар на катере. Но еще страшнее было другое. На сторожевом катере находились глубинные бомбы. Взорвутся бомбы. Разнесут не только сам катер, но и стоящие рядом военные корабли и военные объекты на берегу.

Первым пожар на катере заметил старший матрос комсомолец Иван Голубец.

«Немедленно сбросить в море бомбы, сбросить глубинные бомбы», – заработала тревожная мысль у матроса.

Сбросить бомбы – это значит нажать на рычаги, и сбрасыватели сами, быстро и без твоих усилий освободят катер от опасного груза.

Сбросить бомбы – дело одной минуты.

Бросился Голубец на катер. Пробился сквозь огонь. Подбежал к рычагам сбрасывателей. Ухватился. Нажал. Вот сейчас рухнут бомбы.

Не сдвинулись бомбы. Лежат на месте.

Еще сильнее потянул за рычаги Голубец. Напрягся в три человеческие силы.

Бомбы лежат на месте.

Ясно теперь Голубцу: повреждены от взрыва на катере бомбосбрасыватели.

Сильнее, сильнее пожар на катере.

«Беги, беги», – что-то шепнуло матросу.

«Останься», – что-то затем сказало.

Остался Иван Голубец на палубе. Подбежал он к одной из глубинных бомб. Схватил, поднатужился. Дотасил до борта. Рухнула бомба в воду.

Бросился к новой бомбе. Вот и эта летит за борт.

Бомбы на катере разных размеров. Выбирает Голубец те из них, которые больше других, крупнее других, опаснее.

К третьей бомбе спешит матрос, к пятой, седьмой, десятой.

Все ближе, все ближе к матросу пламя. Накалился, как печка, как домна, катер.

– Быстрее, быстрее! – торопит себя Голубец.

Вот последние бомбы лежат на катере. Минута, вторая – и эти уйдут за борт.

Схватился Иван Голубец за новую бомбу. Поднял, и в это время грянул на катере взрыв.

Эхом, как плачем, ответила бухта.

Погиб комсомолец Иван Голубец.

Погиб, однако успел сбросить в море самые крупные, самые опасные бомбы, уберег от взрыва соседние корабли и военные объекты на берегу.

В Севастополе, там, у моря, в Стрелецкой бухте, нынче – памятник Голубцу.

Новое оружие

200 дней уже держится Севастополь.

На одном из участков Севастопольской обороны наши позиции проходили по Телеграфной горе. Справа и слева – наши, внизу под горой – фашисты. Хорошее место для обороны: скалы кругом, вершина с крутыми склонами.

Одно неудобство: фашисты все время обстреливают высоту. Откуда ведут огонь – не всегда известно. Не знают наши, куда ответить. Скрыли, замаскировали фашисты свои огневые точки. Ходят в тылы разведчики. Да и тут не всегда удача.

Среди защитников Телеграфной горы был старший лейтенант Алиев. Командовал Алиев стрелковой ротой.

– Узнаем, где огневые точки, – как-то сказал артиллеристам Алиев.

Смеются артиллеристы, не очень верят:

– Давай, давай, помогай, пехота.

Раскрыли пехотинцы огневые точки врага. Вот как случилось это.

Была ночь. Сидят под горой фашисты. Смотрят на гору, следят за склонами. Притихла кругом стрельба. И все же даже ночью нет на войне покоя. То там огонь. То здесь огонь. Ползут зловеще ночные шорохи.

Смотрят фашисты на гору, на темное небо, на звезды, и вдруг вспыхнуло что-то там на вершине. Метнулось пожаром. Огненным шаром обрушилось вниз.

Несется с вершины огонь, как лава. Грохот громом разит округу.

Все ниже, все ниже поток смертельный. Заметались фашисты. Бегут из окопов.

– Оружие новое!

– Новое!

– Новое!

Докатился огонь до основы горы, сюда, к самым фашистским траншеям. Раздался взрыв.
Брызнул огонь в окопы горячей пеной.

Замерло все у фашистов. Прошла минута, и вот открыли по Телеграфной горе фашисты стрельбу изо всех орудий.

А нашим только того и надо. Засекли советские наблюдатели вражеские батареи.

Что же придумал такое Алиев?

Все просто. Несложно. Нужна лишь гора для этого.

Приказал он солдатам притащить на вершину горы железную бочку.

Притащили.

Приказал начинить ее порохом.

Начинили.

Приказал обмотать бочку бикфордовым шнуром.

Обмотали.

Распорядился облить бензином.

Облили.

– Поджигай! – скомандовал Алиев.

Подожгли.

– Толкай с горы!

Помчалась вниз она огненным шаром.

Нескоро забыли фашисты взрыв. Никто не верил, что это бочка.

– Оружие новое!

– Новое!

– Новое! – долго шептались еще фашисты.

Рыба севастопольского улова

Море рядом с Севастополем у Херсонеса, Качи и Балаклавы богато кефалью. Кефаль – рыба вкусная.

Севастопольские рыбаки с давних пор славились богатыми уловами.

Оборвались теперь уловы. Море у Севастополя стало районом военных действий.

Всюду на море мины – наши, фашистские. Всюду – огонь по морю. Запретили рыбакам отплывать от берега. Даже кто-то из расторопных военных хозяйственников приспособил рыбацкие сети для маскировки своих хозяйственных складов.

Возмутились севастопольские рыбаки:

– Сети – для складов!

– Нас – как в ловушку!

Отвечают хозяйственники:

– Все равно вас в море никто под огонь не выпустит. Однако севастопольские рыбаки издавна были людьми упорными. Обратились они к командующему Приморской армией, оборонявшей Севастополь, генералу Ивану Ефимовичу Петрову.

– Война же, – сказал Петров.

– Понятно, – отвечают рыбаки.

– Там же мины, – сказал Петров.

– А мы между минами, – отвечают севастопольские рыбаки.

– Там же огонь. И наши стреляют. И фашисты стреляют.

– А мы между стрельбами, – отвечают с хитринкой севастопольские рыбаки.

Уговорили они Петрова. Дал генерал им свое согласие. Вернули рыбакам рыбацкие сети.

Атаковали теперь рыбаки командующего Черноморским военным флотом, адмирала Филиппа Сергеевича Октябрьского.

– Война же, – сказал Октябрьский.

– Понятно, – отвечают рыбаки.

- Там же мины, – сказал Октябрьский.
- А мы между минами, – опять о своем севастопольские рыбаки.
- Там же огонь. Сильнейший огонь, – говорит Октябрьский.
- А мы между стрельбами.

Уговорили все же они и Октябрьского. Дал адмирал разрешение. Стали морские сторожевые посты выпускать рыбаков на рыбную ловлю в море.

Непростой оказалась ловля. Начали фашистские летчики охотиться за советскими рыбаками. Выйдут рыбацкие лодки в море. Появляются в небе фашисты-стервятники.

Но не боялись севастопольские рыбаки этих воздушных пиратских атак. Знали: нужна Севастополю рыба.

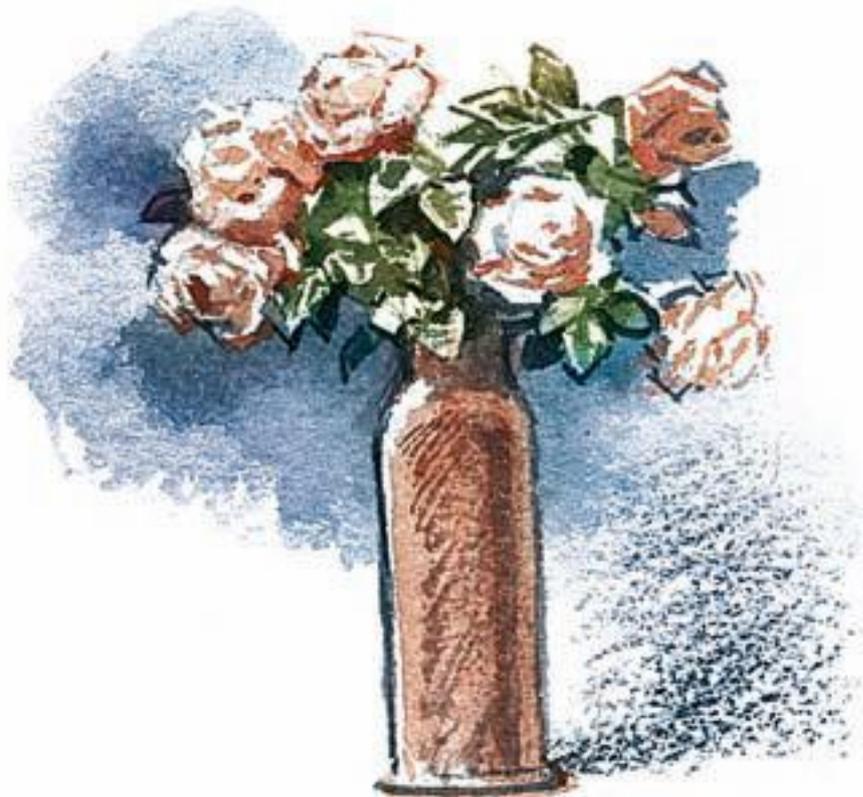
Часто на помощь рыбакам приходили советские летчики.

Тянут рыбаки на море свои сети, а в это время в воздухе над этим местом баражируют, то есть кружат, советские самолеты, не подпускают фашистов к рыбацким лодкам.

Приметили в Севастополе: если над морем у Качи, у Херсонеса, у Балаклавы висят самолеты, значит, там рыбаки, значит, будет в городе свежая рыба – рыба нелегкого севастопольского улова.

Вещественное доказательство

Севастополь – удивительный город. Рядом идет война. Каждый день бомбят фашисты, обстреливают город, а город не только воюет – работает, учится. Даже, как в мирные дни, улицы подметают в городе. На бульварах цветы высаживают.

– Цветы? Подождут цветы!

– Нет! – отвечают в городе.

Апрель. Зацвело, зазеленело кругом в Севастополе. Затрепетало весной и нежностью.

Дивизионный комиссар Иван Филиппович Чухнов – член Военного совета Приморской армии – в один из весенних дней 1942 года выехал к бойцам на передовую. Приехал. А тут авиационный налет. Отбомбились фашисты, а затем полетели с неба листовки. Сбрасывали фашисты такие листовки на наши передовые позиции и раньше. Чего они в них только не писали!

«Севастополь снесен с лица земли», – читает комиссар Чухнов в одной из листовок. «Севастополь пуст и мертв», – читает в другой листовке. «Защищать в Севастополе больше некого», – читает комиссар в третьей. Врели фашисты в своих листовках. Пытались на наших солдат воздействовать.

Посмотрел Чухнов на листовки. Повертел их и так и этак. Покачал головой. Про себя ругнулся. Потом посмотрел на солдат. Ожидает, что же солдаты скажут.

– Бросают, – сказали солдаты.

– Читаем, – сказали солдаты.

– Брехня! – заявили солдаты.

Засмеялся Чухнов:

– Брехня?

– Так точно, товарищ дивизионный комиссар. Как же так: «Защищать в Севастополе больше некого», как же так: «Севастополь мертв»? А у нас вот другие данные.

И тут же один из солдат к Чухнову:

– Товарищ дивизионный комиссар, просим вас на минуту зайти к нам в землянку.

Направился Чухнов к землянке. Пригнулся слегка при входе. Перешагнул порог. Выпрямился. Глянул. Да так и застыл у порога. В землянке на простом, сколоченном из досок столе стояла большая орудийная гильза.

А в гильзе... А в гильзе... В гильзе стояли цветы. Розы. Майские. Пышные. Алые.

– Розы, – проговорил комиссар. Подошел. Все как-то не веря, что это розы, потрогал, понюхал. – Розы!

– Из Севастополя, – кто-то сказал из солдат.

– С Приморского бульвара, – сказал, уточнив, второй.

– От наших шефов, – добавил третий.

Оказалось, что шефы – девушки, комсомолки из севастопольской пошивочной мастерской.

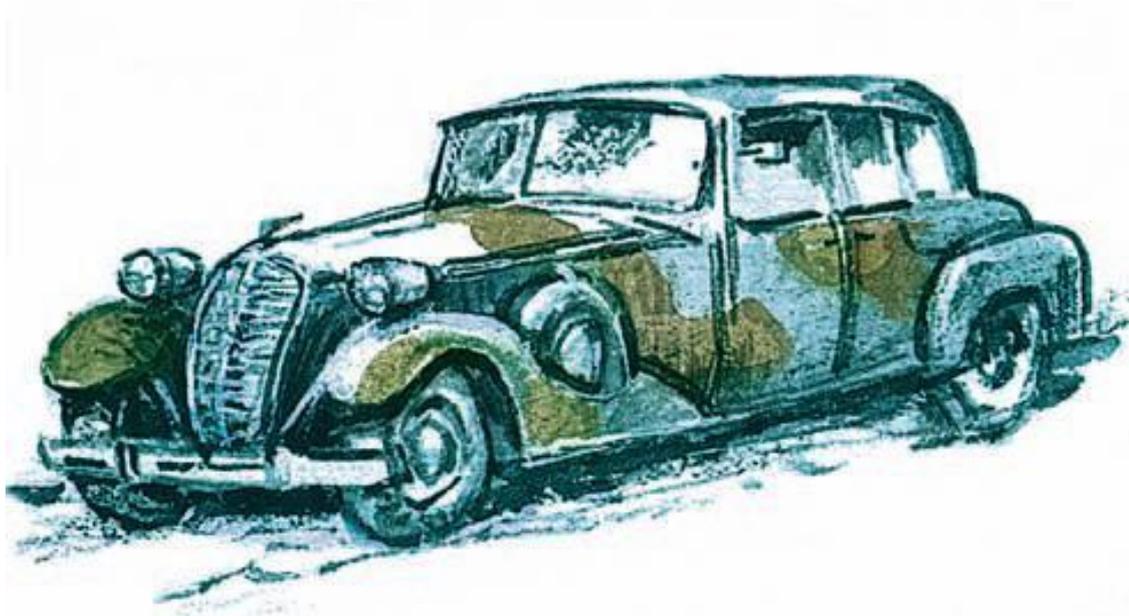
Посмотрел Чухнов еще раз на розы:

– Значит, жив, не разбит Севастополь. Доказательство, вижу, у вас убедительное.

– Вещественное, – кто-то сказал из бойцов.

«Крокодил»

Откуда ее раздобыли – толком никто не знал. Одни уверяли: было это еще до Крыма. Другие: уже в Крыму. Мол, подобрали на крымских дорогах. Лежала она на боку в кювете. Оттуда сюда в Севастополь и притащили машину волоком.

Автомашина марки «ЗИС-101» была не частым в те годы явлением. Лучшей считалась маркой. Мотор у машины мощный. Кузов вместительный, длинный. Отличный ход. Отремонтировали, восстановили черноморцы автомашину. Маскировочной краской покрыли – в зеленый и черный цвета.

Как крокодил, получилась на вид машина. «Крокодилом» ее и прозвали.

Попал «крокодил» в бригаду морских пехотинцев к полковнику Евгению Ивановичу Жидилову. Стал он затем генералом.

Не знал усталости «крокодил». Носился по батальонам, по ротам, то в штаб, то из штаба, то к начальству, то от начальства, то в Севастополь в тыловые части бригады, то на командный пункт.

Привык «крокодил» к бригаде. И в бригаде как свой пришелся. Полюбили его солдаты:

- Привет, «крокодил»!
- Как дела, «крокодил»?
- Что там нового слышно в штабе?

Оказалась машина на редкость выносливой. А главное, был «крокодил» удачливым. Фашистские самолеты за ним гонялись. Открывали огонь фашистские минометчики. Не вспомнишь здесь всех историй. Как-то зимой застрял «крокодил» в снегу. Сразу же появился фашистский летчик. Не уйдешь, «крокодил»! В руках «крокодил»! Стал летчик делать над машиной боевые заходы, бросал бомбы, входил в пике. Патроны все до единого расстрелял. Цел «крокодил», как новенький. Хоть бы одна царапина!

Затем, по весне, снова застрял «крокодил». Распутица. Буксует машина. Ни с места! Схватила колеса весенняя хлябь. Взяла машину в прицел фашистская артиллерия. Открыли

пушки по ней огонь. Укрылись Жидилов и шофер рядом в глубоком окопе. Машина, словно на полигоне, стоит на открытом месте.

Солдаты, что были в окопе, считают взрывы. Считает шофер. Считает и сам Жидилов. Десять, двадцать, сорок, сорок четыре. Сорок четыре снаряда – и все в «крокодила». Прощай, боевой товарищ!

Стих огонь. Поднялись бойцы из окопа. Смотрят – глазам не верят. Цел, невредим «крокодил» – хоть бы одна занозина!

Бывало, конечно, всякое. Война есть война. Боец есть боец. И «крокодил» получал ранения. Ходил в «повязках», ложился в «госпиталь». Вновь автомобильные мастера возвращали машину к жизни.

Честно нес службу свою «крокодил». Как равный в строю отважных.

Не стало его случайно. Погиб от фашистской бомбы. Стоял у штаба. Дремал без дела. Ударил бомба прямым попаданием. Был «крокодил» – и нет.

Не скоро забыли бойцы машину. Часто вспоминали отважный «ЗИС-101». Так и во всем бывает. Честно прошел по жизни – долго хранится след.

Улица Пьянзина

Июнь 1942 года. Фашисты начали новое, третье по счету, самое мощное наступление на Севастополь.

Свой главный удар враги направили на северную часть города.

Днем и ночью здесь грохотали пушки. Не щадили фашисты своих солдат.

На одном из участков фашистского наступления, у станции Мекензиевы Горы, в обороне стояли артиллеристы-зенитчики под командованием старшего лейтенанта Ивана Семеновича Пьянзина. На них и на их соседей по обороне и обрушился грозный удар врага.

Не пробилась сюда пехота. Бросили фашисты в наступление танки и самолеты.

– Земля! – кричал Пьянзин.

Это значило: атакуют зенитчиков танки. Опускали пушечные стволы зенитчики. Начали стрелять по танкам.

– Воздух! – кричал Пьянзин.

Поднимали в небо стволы зенитчики, отражали атаки фашистских самолетов.

– Земля!

– Воздух!

– Земля!

– Воздух!

– Земля!

– Воздух!

Несколько дней не утихали эти команды над полем боя.

Артиллеристы сражались до тех пор, пока хватило сил и снарядов.

Выходили из строя пушки.

Таяли люди на батарее.
Осталось восемь бойцов.
Осталось шесть.
Враги обошли батарею. Замкнули кольцо вокруг зенитчиков.
Живым на батарее остался один лишь Пьянзин. Он был ранен, но из автомата отстреливался от врагов.
Все ближе, ближе к нему фашисты.
Где же та сила, чтобы ударить опять по фашистам?!
Есть эта сила.
Схватил Пьянзин микрофон от радиации. Полетели в эфир слова:
– Прошу открыть огонь... Прошу открыть огонь... Мои координаты... Мои координаты...
Взревели советские пушки. Накрыли огнем фашистов.
Прошли годы. Будешь в городе Севастополе – памяти Пьянзина поклонись.

«Карл» и «Дора»

Рвутся фашисты к городу. Обрушили на Севастополь горы огня и стали.

Отбомбились, отстрелялись, отшвырялись огнем фашисты. Выпал крохотный перерыв. Подняли солдаты головы. Глянули из окопа. Что-то лежит огромное.

– Так это снаряд, братишки!

Действительно, перед окопом лежал неразорвавшийся фашистский снаряд. Такого солдаты еще не видели. Два метра длина снаряда. Поднять пытались его солдаты. Кряхтели. Потели. Лежит, не сдвинулся.

Прибыли специалисты. Осмотрели. Измерили.

– Все ясно, – бойцам сказали.

– Что ясно?!

– Это снаряд от гаубицы «Карл», – объясняют солдатам специалисты. – Больше тонны весит такой снаряд.

– Больше тонны! – поражались солдаты. – Вот бы такой бабахнул!

Уехали специалисты.

Прибыл вскоре к солдатам в окоп дружок-артиллерист из соседней части. Рассказали ему солдаты про снаряд и про «Карла».

– Вот бы такой бабахнул!

– Ах, «Карл»? – усмехнулся артиллерист. – Это еще игрушка.

– Вот так игрушка, – смутились солдаты.

Рассказал сосед, что, помимо «Карла», собираются фашисты привезти в Крым, сюда под Севастополь, и огромную пушку «Дору».

– Ствол у «Доры» длиной в тридцать метров, – объясняет артиллерист.

– Батюшки – тридцать метров!

- Лафет достигает высоты трехэтажного дома.
- Трехэтажного дома!
- У орудия – пятьсот человек прислуги.
- Пятьсот человек прислуги!
- Вот это да-а! – вырвался общий вздох.

Прошла минута первого изумления. Подивились солдаты, узнав про «Дору». И тут же солдатский вывод:

- Значит, несладко, видать, фашистам.

Кто-то сказал серьезно:

- Не помогут фашистам ни «Карл», ни «Дора». Кто-то сказал с улыбкой:
- Плакали «Карл» и «Дора».

Кто-то сказал уверенно:

- А все же наша возьмет над фашистами. Нам отмечать победу!
- Верно, – соглашается артиллерист.

Так и случилось оно потом. Только не сразу. Не в это время.

Три танка

Места под Севастополем неровные, каменистые. Даже от танка укрыться можно. Стань за скалу, спрыгни в овраг – ты и не виден танку.

Приметил это ефрейтор Линник. Бросил друзьям:

– Танк подорву. На уду поймаю.

– Как – на уду?! – поразились друзья. – Танк не карась, не жерех.

– Жерех! – смеется Линник. – Поймаю, – твердит друзьям. – Даже насадку уже имею.

И правда, поймал на «насадку» ефрейтор Линник фашистский танк. Противотанковой миной была «насадка».

Привязал Линник к мине длинную веревку. Уложил мину на участке, где предполагалась атака фашистских танков. Протянул веревку к большому камню. Улегся за камень, держит в руках веревку.

Пошли фашистские танки. Стал подтягивать Линник к себе веревку. Рядом в окопе сидят друзья. Видят: задвигалась по земле противотанковая мина.

– Шевельнулась!

– Смотри, ползет!

– Зашагала, гляди, красавица!

Подтянет Линник слегка веревку. Остановится. Снова подтянет. Все старается так, чтобы под фашистский танк подошла мина. Подтянул наконец – под фашистский танк. Взлетела от взрыва машина в воздух.

– Поймал! Поймал! – закричали в окопе товарищи.

Оказалось, что ефрейтор Линник приготовил и вторую веревку с миной.

Ухватился теперь за вторую веревку. Сдвинулась мина. И снова солдаты:

– Шевельнулась!

– Смотри, пошла!

– Зашагала, гляди, красавица!

Подвел ефрейтор Линник и эту мину под неприятельский танк. И эта машина взлетела в воздух.

– Эка ж осетров подцепил! – шутили над ним товарищи.

В этом же бою ефрейтор Павел Дмитриевич Линник уничтожил и третий фашистский танк.

Не один только Линник в июльских боях под Севастополем удачно применял «живые» мины против фашистских танков. Нашлись и другие. Заметный урон нанесли смельчаки фашистам.

Пробьется на небе едва рассвет – к месту «лова» спешат «рыболовы».

Богатырские фамилии

Отличившихся воинов представляли к наградам. Штаб. Два офицера. Младший по званию. Старший по званию. Младший зачитывает наградные листы, называет фамилию отличившегося, докладывает старшему, за что и к какой представлен боец награде.

Четко идет работа:

- Найда.
- Кахаров.
- Кули-заде.

Приятно офицерам читать о героях:

- Беспалов.
- Каралов.
- Омаров.
- Дзесов.

Читая одну из бумаг, чуть задержался младший.

- Ну что там? – поторопил его старший.
- Вот молодец! Вот молодец! – восхищается младший.
- Кто же?
- Герой! Орел!
- Кто же?!
- Богатырь, – откликается офицер.
- Фамилия как?
- Богатырь, – опять о своем офицер.

Поднял старший начальник глаза на младшего:

– Фамилия?

– Иван Богатырь, – улыбается офицер.

Посмотрел недоверчиво старший на младшего.

– Иван Богатырь, – повторяет младший и тянет бумагу старшему.

Действительно, под Севастополем сражался Иван Богатырь. Был он ефрейтором. Был пулеметчиком. Оставшись один в окопе, он принял неравный бой с фашистами. Герой был ранен в голову, контужен, затем ранен в правую руку, но продолжал сражаться. Пять часов до прихода помощи удерживал Иван Богатырь свою позицию. Когда подсчитали число фашистов, которых уничтожил в этом бою Иван Богатырь, их оказалось более ста. Прочитал старший офицер наградной лист о подвиге Ивана Богатыря.

– Герой! Орел! – согласился офицер.

Потом полистал другие бумаги. Прочитал про другие подвиги. Глазами прошел по фамилиям. Читает: Линник, Главацкий, Гахокидзе, Байда, Умеркин, Спириин...

– Молодцы, молодцы! – произносил офицер.

Пулеметчик Иван Иванович Богатырь, пехотинец ефрейтор Павел Дмитриевич Линник, политрук роты Георгий Константинович Главацкий, политрук другой роты Михаил Леванович Гахокидзе, старший сержант разведчица Мария Карповна Байда, артиллерист младший лейтенант Абдулхак Умеркин, пехотинец старший лейтенант Николай Иванович Спириин – все они были воистину богатырями. Все они, а вместе с ними и многие другие за свои подвиги, совершенные при защите Севастополя, стали Героями Советского Союза.

Вновь посмотрел офицер на фамилии:

– Нет здесь простых. Богатырские все фамилии.

В севастополе ждали «Грузию»

Война есть война. Неизбежны в боях потери. Понесли урон и корабли Черноморского флота. Погиб теплоход «Абхазия», погибли эскадренные миноносцы «Свободный» и «Безупречный». Был потоплен фашистами транспорт «Белосток». Вышел из строя огромный, самый крупный из кораблей Черноморского флота транспорт «Ташкент».

Все эти суда перевозили в осажденный Севастополь вооружение и боеприпасы. Все меньше и меньше снарядов, патронов, мин попадает теперь к защитникам Севастополя.

В Севастополе ждали «Грузию». Транспорт «Грузия» шел с Кавказа. Вез снаряды, мины, патроны, пулеметные ленты, авиационные бомбы.

Все ожидали «Грузию».

Довольны артиллеристы. Поступят снаряды.

Довольны летчики. Прибудут бомбы.

Довольны минометчики. Мины придут на «Грузии».

Довольны пулеметчики. Будут у них патроны.

Морские пехотинцы, просто пехотинцы, бойцы всех частей и войск ждут не дождутся «Грузию».

Прибыла «Грузия». С трудом пробилась она к Севастополю. Шла осторожно, минуя мины. Отбивалась в пути от фашистских самолетов. Пострадала от рядом упавших бомб. Была повреждена, потеряла ход. Но все же пришла.

Вошла «Грузия» в севастопольскую бухту. Причалала.

– Ура! – вырвался вздох облегчения.

И вдруг... Налетели снова фашистские самолеты. Устремились на транспорт, как коршуны. Потопили фашисты «Грузию». Прямо здесь, в Севастополе, в Южной бухте, у всех на виду.

Доложили фашистам фашистские летчики: «Уничтожен советский транспорт. Боеприпасы для Севастополя уничтожены».

Известие о тяжелой потере пришло и к нашим войскам. Погибла «Грузия», погибли боеприпасы.

И вдруг!

Приходят машины к артиллеристам:

– Принимай, пушкари, снаряды.

Приходят машины к летчикам:

– Небеса, принимайте бомбы.

Приходят машины к минометчикам:

– Принимайте, считайте мины.

Патроны идут к пулеметчикам, идут к пехотинцам, к бойцам всех частей и войск.

– Откуда?!

– Откуда?! – общий у всех вопрос.

– Оттуда, – отвечают бойцам снабженцы. И уточняют: – Со дна морского.

– Как так – со дна морского?! Что еще за сказки плетут снабженцы!

Однако все верно: правы снабженцы. Оказалось, организовали флотские интенданты бригады ныряльщиков. Ныряли отважные на глубину. Пробрались в корабельные трюмы. По снаряду, по mine извлекли смельчаки из трюмов «Грузии» боеприпасы. Подняли ящики с патронами.

Поступают боеприпасы к защитникам Севастополя.

Сражается город. Ведет огонь.

Константиновский рavelин

Северная часть Севастополя. Выход из бухты. Начало моря. Здесь у моря поднялась крепость. Это Константиновский рavelин.

Любой корабль, входя в Севастополь, не обойдет, не минует Константиновский рavelин. Не минуешь его и при выходе. Константиновский рavelин как страж, как часовой у ворот Севастополя.

1942 год. Июнь. Все сильнее фашистский удар на севере. Наступают фашисты. Вводят новые силы. Все труднее, труднее нашим! Прорвались фашисты с севера. Овладели Северной стороной. Вышли к бухте, к морскому берегу. Лишь рavelин дерется.

Вместе со всеми в бою комиссар рavelина Иван Кулинич. Азартен в бою Кулинич. Вот он стоит на виду у моря. Китель моряцкий в дыму, в ожогах. Лоб бинтами крест-накрест схвачен.

Сражается рavelин. Волком вцепились в него фашисты. Снаряды, как молот, дробят округу.

Не сдастся Константиновский рavelин.

Бомбят рavelин самолеты. Танки в стены чуть ли не лбами бьют.

Все меньше и меньше в живых героев. И все же стоят герои. Прикрывают отход своих. В эти дни корабли Черноморского флота вывозили из города раненых. Сдать рavelин фашистам – значит отрезать нашим судам путь из бухты в открытое море. Удержались герои до нужного срока. Не подпустили фашистов к берегу. Ушли без потерь корабли из бухты.

Ушли корабли. Опустела бухта. Долг до конца исполнен. Прибыл теперь приказ, чтобы и сами герои покинули рavelин. Простились матросы с крепостью. Все ушли. Лишь один остался – комиссар рavelина Иван Кулинич. Взорвать рavelин, уничтожить запас снарядов – с этой целью и задержался теперь Кулинич. Отправил минеров:

– Я – сам! Я – сам!

Вот он стоит на виду у неба. Китель моряцкий в дыму, в ожогах. Лоб бинтами крест-накрест схвачен.

Вновь атакуют фашисты крепость. Не отвечает фашистам крепость. Осмелели фашисты:

– Форвертс! Вперед!

Ворвались фашисты в крепость. Видят: стоит комиссар. Китель моряцкий в дыму, в ожогах...

– Комиссар?!

– Комиссар!

Устремились к нему фашисты. Рты исказились в победном крике. Несутся фашисты. Предпоследний, последний шаг.

– Получайте, – тихо сказал Кулинич. Повернул механизм подрывной машины.

И в ту же секунду поднял землю страшный взрыв. Взлетели фашисты к небу.

Погиб комиссар Кулинич.

Мстили фашисты потом равелину, хотели сровнять с землей. Шипели мины. Рвались запалы. Но он стоял. Вскипало море. Гудели скалы. Но он стоял.

То кровь героев скрепила стены. То подвиг смелых жил в этих стенах.

Он и нынче стоит у моря – страницей славы, страницей боли – Константиновский равелин.

«Все здесь!»

Наступили самые трудные дни Севастополя. Кончались боеприпасы. Кончались силы.

Командир бригады морских пехотинцев генерал-майор Евгений Иванович Жидилов и комиссар бригады Александр Митрофанович Ищенко направлялись к Хомутовой балке. Здесь сражалась одна из советских артиллерийских батарей.

Бегут под огнем советские командиры. Слышат, как отвечает фашистам советская батарея.

– Молодцы артиллеристы! – сказал генерал Жидилов.

– Орлы! – подтвердил комиссар Ищенко.

Вышли командиры к открытой площадке. Смотрят – не видят пока саму батарею. Замаскировались артиллеристы. Зато видят командиры место, куда несутся наши снаряды. Точно ложатся взрывы. Ударяют в ряды фашистов.

– Молодцы! – не сдержался теперь комиссар Ищенко.

– Орлы! – поддержал комиссара комбриг Жидилов.

Еще минута, вторая. Кустами, овражком, снова открытым местом пробежали командир и комиссар. Вот тут совсем рядом Хомутовая балка, рядом совсем батарея.

Вышли командиры к ее позициям. Вот они, наши пушки, наши орлы-артиллеристы!

Смотрят командир и комиссар: из четырех пушек на батарее уцелела одна-единственная. И у этой одной-единственной находится один-единственный артиллерист-матрос.

Лицо у матроса суровое. Ворот флотской рубахи порван. Бескозырка чудом держится на затылке.

За снарядом посылает снаряд матрос. Словно прирос к орудию. Даже, кажется, не замечает, что явились сюда командиры.

Шагнул генерал Жидилов к артиллеристу:

– Где остальные?

– Здесь, – ответил матрос.

Посмотрел командир, посмотрел комиссар – нигде никого не видно. Неужели отступили, отошли без приказа?

– Где остальные? – повысил голос, почти закричал генерал Жидилов.

– Все здесь, – повторил артиллерист. – Никто не ушел...

Комиссар Ищенко тронул генерала за руку, показал на стоящие рядом разбитые пушки.

Посмотрел генерал и только теперь обратил внимание на то, что рядом с пушками, у их колес, лежали люди. Это были матросы, боевые товарищи артиллериста. Все они погибли.

– Никто не ушел. Все здесь, – тихо повторил артиллерист. И снова припал к орудию.

Тогда в разгар боя ни генерал Жидилов, ни комиссар Ищенко не успели узнать фамилию отважного артиллериста. Фашисты рвались на позиции советской батареи. Генерал Жидилов и комиссар Ищенко сами вступили в бой.

Известна ныне фамилия героя. Им был черноморский матрос Коваленко Иван Захарович.

Безупречный

В сухопутную роту попал матрос. Был зачислен как пополнение. Спрыгнул матрос в солдатский окоп:

– Как у вас тут, братишки, в трюме?

Это окоп окрестил он трюмом.

Переглянулись солдаты. Окоп как окоп. Хороший окоп – ничего не скажешь.

Занял матрос ячейку в окопе:

– Ну что ж – неплоха каюта.

Как повелось, к новичку вопросы: откуда прибыл, как звать, какова фамилия?

Объяснил матрос, что эсминец его погиб. Про имя сказал – Иван. Про фамилию – повел пальцем у бескозырки. Там по околышку шла лента. На ленте было написано: «Безупречный».

Прочли солдаты:

– Фамилия?

– Так точно.

– Да ну?! – поразились солдаты.

Поняли многие: шутит матрос. Однако нашлись и такие, которые матросским словам поверили. Так и стал он – Иван Безупречный.

Были последние дни Севастопольской обороны. Фашисты захватили Северную сторону. С юга ворвались в Балаклаву. Потеснили наших на западе, у Федюхиных высот. Совсем немного свободной земли у защитников Севастополя.

Безупречный сражался на Северной стороне. Затем, когда фашисты здесь вышли к Северной бухте и захватили Константиновский рavelин, матроса под Балаклавой видели.

– Безупречный?

– Так точно, он!

Потом под Инкерманом матроса встретили. В рукопашном бою с фашистами.

– Безупречный?

– Так точно, он!

Затем он был на Сапун-горе. До последнего патрона сражался матрос. А когда вышли патроны, видят солдаты: поднял черноморец с вершины Сапун-горы камень. Встал во весь рост матрос. Швырнул камень врагам навстречу.

– Сдавайся! Сдавайся! – кричали фашисты.

– Моряки не сдаются! – кричал матрос. И снова камень летел в фашистов.

Потом потерялся матроса след. Выжил герой, погиб – не сохранилось о том в истории.

Фамилия тоже осталась его неизвестной.

Однако если спросишь:

– Был Безупречный?

Ответят:

– Был.

Свято бился матрос за родную землю. Безупречным для всех остался.

Херсонес

Все меньше, меньше защитников Севастополя. Неравные очень силы.

30 июня 1942 года. Прибыл приказ оставить войскам Севастополь.

Мыс Херсонес. Немногие метры свободной Крымской земли. Идет посадка на катера. Отсюда уходят в море последние защитники Севастополя.

Охраняет посадку сводный отряд моряков. Это прикрытие. Это заслон.

Самые стойкие здесь в заслоне. Это от них зависит судьба других – уйдут ли другие в море.

За ними, за теми, кто остался сейчас в заслоне, тоже должны прийти катера. Только потом. Должны, если, конечно, не опоздают. Должны, если, конечно, уцелеют сами, если их самих не потопят в пути фашисты. И это в заслоне знают.

Бьется с врагами заслон. А сзади идет посадка. И с каждой лишней минутой боя там, при посадке, сохраняются чьи-то жизни. Сохраняются чьи-то жизни.

Наступают фашисты. Стремятся прорвать заслон, выйти к морю, туда, где стоят катера. Трудно матросам. Неравен бой.

Лишь винтовки в руках и гранаты. Но твердо стоят герои. Ведь сзади идет посадка.

Но вот подходят к концу патроны. Подходят к концу гранаты.

Кончились вовсе патроны. Кончились вовсе гранаты.

Остались одни штыки. Штыки и приклады.

Поднимаются в бой штыковой черноморцы. Мелькают то штык, то приклад, то штык.

Бросок! Снова бросок! И опять бросок!

Новые силы ползут к Херсонесу.

А сзади идет посадка...

Все больше фашистов, все меньше наших. «Ура!» – снова в атаку идут черноморцы. И снова штыки. И опять приклады. А там, где приклад разбит, руки хватают ножи для боя, хватают матросы камни.

Несколько дней не утихали бои у моря. Самолеты и танки бросали сюда фашисты. Орудийным огнем сокрушали берег. Держались герои. И все же уж очень неравными были силы. Когда отошли от Херсонеса последние транспорты, пришла команда сдать оборону и разойтись солдатам. Остатки храбрых прорвались в горы. Там среди крымских партизан они начали новую жизнь героев.

...Уходят годы за борт истории. Цветет, как прежде, земля Тавриды. Гуляет ветер у скал над морем. 250 дней штурмовали фашисты Севастополь. 250 дней и ночей сражались герои – советские люди. Не ради смерти стояли насмерть. Не ради смерти, а ради жизни!

Мы пришли, Севастополь!

Прошло две зимы, два лета. И вот весна 1944 года. По всем фронтам идет мощное советское наступление. Фашисты разбиты под Сталинградом. Разбиты в боях под Курском. Советские войска переправились через Днепр, погнали врага на запад. Началось стремительное наступление советских войск и здесь, на юге. Сокрушив оборону фашистов, советские части ворвались в Крым. 6 мая 1944 года начался штурм Севастополя.

– Даешь Севастополь!

– Сева-сто-поль!

– Да-а-ешь Сева-сто-поль!

Бойцы штурмовали Сапун-гору. Поднялась гора у города, прикрыла собой Севастополь. Возьмешь Сапун-гору – и твой Севастополь.

– Да-ешь Севастополь!

Кипит на горе сражение. Укрепили фашисты гору. Шесть линий траншей пролегли по скатам. Тысячи мин облепили склоны.

Куда ни глянешь – завалы, накаты, доты. Негде ступить ногой.

Штурмуют войска вершину. Дырявят снаряды гору. Трещат завалы, накаты, доты. Железо и камень взлетают к небу. Залп за залпом, как волны в море, несут на гору потоки стали. И ярость боя крушит округу. Как адский молот грохочут взрывы. И даже страшно: чуть взрыв сильнее ударит в гору, и та, уставши, возьмет и треснет. Расколют гору огонь и ярость. Идет сраженье. И все сдается: еще минута – и воин в штурме, в победной силе, упрется в гору и гору сдвинет.

Вместе со всеми штурмовал Сапун-гору и солдат Иван Яцуненко. Хорошо, когда друзья и товарищи рядом. Легче в общей идти атаке.

Вот рядом Илья Поликахин с гранатой в руке атакует блиндаж фашистов. Вот лейтенант Михаил Головня возглавляет на дзот атаку. Вот из пулемета метким огнем разит фашистов Кузьма Масколенко. А вот парторг роты старший сержант Евгений Смелович. Он совсем рядом бежит с Яцуненко. Знамя полка в руках у Смеловича.

Обернулся на миг Яцуненко. Глянул туда, за спину, вниз со ската Сапун-горы. Видит: наши танки идут лавиной. Глянул в небо. На Сапун-гору обрушились советские штурмовики. «Катюши» из долины на гору смертельный пунктир послали. А там между гор у Балаклавы, где мелькнула полоска моря, увидел Яцуненко советские военные корабли. И черноморцы в бою со всеми.

– Сева-сто-поль!

– Да-а-ешь Сева-сто-поль!

Бежит Яцуненко, разит фашистов, увлекся боем.

Вдруг что такое? А где Евгений Смелович? Где знамя части?

Оказалось, упал Смелович. Был он ранен. Качнулось знамя. Но удержалось. Это подбежал Иван Яцуненко. Схватил он знамя.

– Давай, отважный! – кричат солдаты.

– Вперед, к победе!

Рванулся воин туда, к вершине. Минует взрывы, обходит пули. Все выше знамя. Все ближе гребень. Прыжок олений – и ты у цели.

Поднял Иван Яцуненко знамя на вершину Сапун-горы. Заалело знамя на фоне неба.

А слева, справа другие стяги шагали к гребню.

И вот с вершины открылся город.

– Да-а-ешь Сева-сто-поль!

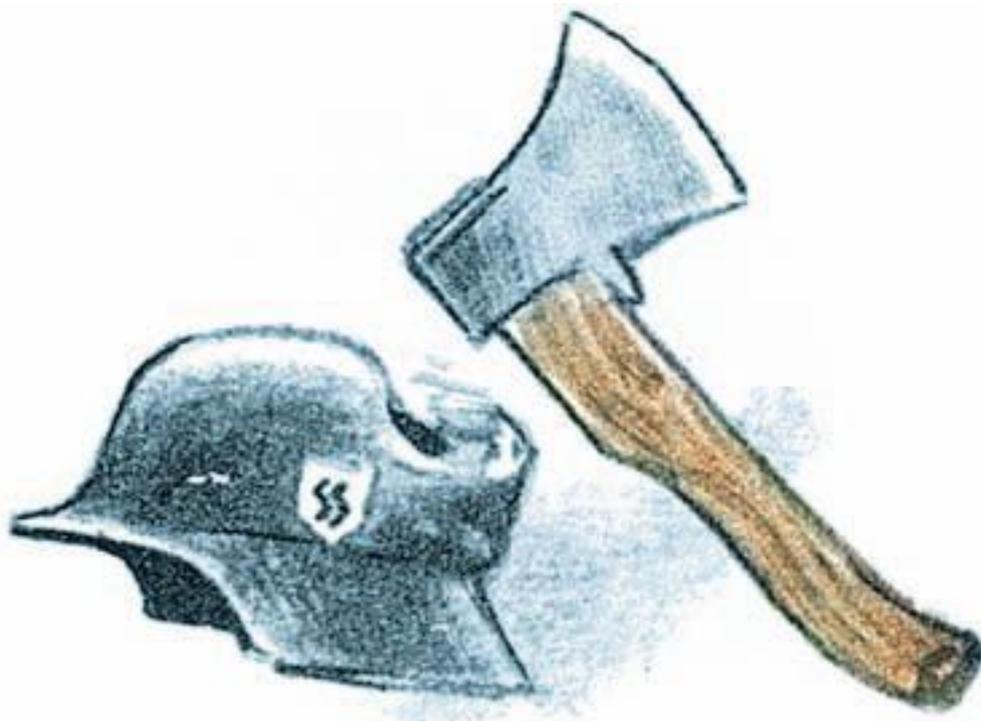
– Да-а-ешь Сева-сто-поль!

– Мы пришли, Севастополь!

За штурм Сапун-горы и освобождение Севастополя более ста человек были удостоены высокого звания Героя Советского Союза. В их числе был и солдат-знаменосец рядовой Иван Яцуненко.

Обухов

Есть такое выражение: «По голове обухом». Обух – это часть топора. То его место, с помощью которого топор крепится к топорщику. Ударить обухом – значит ударить очень сильно.

Советскими войсками, которые освобождали Крым и штурмовали Севастополь, командовал генерал Федор Иванович Толбухин.

Во время Великой Отечественной войны фамилии высших командиров нашей армии часто зашифровывались, заменялись другими. Скажем, генерал Жуков становился Константиновым или Юрьевым, генерал Рокоссовский – Костиным или Румянцевым. Верховный Главнокомандующий товарищ Сталин – Ивановым или Семеновым, начальник Генерального штаба, генерал, а затем Маршал Советского Союза Александр Михайлович Василевский – Александровым или Владимировым. Время от времени псевдонимы менялись. Незадолго до начала боев за освобождение Крыма товарищ Сталин предложил:

– Давайте генерала Толбухина назовем Обуховым.

Предложил, чуть искоса посмотрел на Толбухина, на других генералов, перешел к рассмотрению и утверждению фронтовых планов.

Обступили после заседания генерала Толбухина боевые товарищи:

– Ну, Федор Иванович, фамилия обязывает!

Стойко обороняли фашисты Крым и Севастополь.

Гитлер отдал строжайший приказ войскам сражаться до последнего солдата. Вспоминал Гитлер героическую оборону нашими войсками Севастополя.

– Двести пятьдесят дней не сдавали русские Севастополь! – кричал фюрер. – Двести пятьдесят дней!

Начал Гитлер с того, что сменил командующего фашистскими войсками под Севастополем. Прибыл новый командующий. Дал клятву удержать Севастополь.

Установил Гитлер офицерам и солдатам, обороняющим Севастополь, двойные оклады. Приехали армейские кассиры. Мешки привезли с деньгами. Наиболее отличившимся в боях за Севастополь Гитлер обещал выделить земельные наделы в Крыму.

Забегали интенданты.

Стали готовить списки.

И еще одно. Приказал Гитлер тех из фашистских солдат, которые отступят, дрогнут в бою или даже только об этом подумают, тут же при всех расстреливать. Устрашают фашисты своих солдат. Грянули выстрелы по своим.

Упорно сражались фашисты. Во многих местах до последней черты стояли. И все же не удержали они Севастополь.

250 дней штурмовали и никак не могли захватить фашистские солдаты героический Севастополь во время своего наступления в 1941–1942 годах. Всего лишь пять дней потребовалось советским солдатам, чтобы сломить сопротивление фашистов и освободить Севастополь во время нашего штурма в 1944 году.

Взят Севастополь.

Называют солдаты героев штурма.

Вспоминают сокрушительный наш удар.

Кто-то вспомнил и поговорку про обух, про голову.

Смеются солдаты:

– Точно примечено! Все по науке.

– Значит, фашистов – накрепко!

– Выходит, фашистов – намертво!

– Обухом по голове!

Освобожден Севастополь. Доволен Толбухин.

Летит донесение в Ставку, в Москву, товарищу Сталину: «Освобожден Севастополь». А ниже: «Обухов».

Матросское сердце

Прощался матрос с Севастополем. Два года тому назад.
Поклонился он морю и солнцу. Бухте Северной, бухте Южной.
Простился с Приморским бульваром и Графской пристанью.
– Прощайте, курган Малахов, Карантинная бухта, Корабельная сторона!
Прощался матрос с Севастополем. Сердце в черноморских волнах оставил. Клятву вернуть дал.

Бросала судьба по фронтам матроса. Вдали от моря с врагом сражался.
Вспоминал Севастополь. Море и солнце. Графскую пристань, бульвар Приморский.
Как там курган Малахов, Карантинная бухта, Корабельная сторона?
– Я вернусь в Севастополь! Я вернусь в Севастополь!
Лют, беспощаден в боях матрос.
Бывало, друзья к матросу:
– Ты что же, сердца, никак, лишился?
Отвечает друзьям матрос:
– Нет сердца: там, в Севастополе, в море сердце свое оставил.
Нелегкие годы провел матрос. Ранен, контужен, увечен, калечен. Снарядами сечен, минами мечен.

Но жив, не убит матрос.
– Я вернусь в Севастополь! Я вернусь в Севастополь!
Вяз в болотах, тонул на переправах. Дожди исхлестали. Кожу сдирал мороз.
Устоял, не погиб матрос.
До Волги дошел матрос. От Волги шагал матрос. Дрался под Курском. Путь пробивал к Днепру. Славу матросскую нес, как факел.
Слово сдержал матрос. Вернулся в родной Севастополь.
Вернулся матрос в Севастополь.

– Здравствуйте! – крикнул он морю и солнцу.

– Здравствуйте! – крикнул он бухте Северной, бухте Южной.

– Здравствуйте! – крикнул бульвару Приморскому, Графской пристани.

– Привет вам, курган Малахов, Карантинная бухта, Корабельная сторона!

Слово сдержал матрос. Вышел он к морю. На флагштоке у Графской пристани бескозырку, как флаг, повесил.

Отдали волны матросское сердце. Трепетно вынесли на руках.

Сражение за Кавказ. 1942-1944

Медаль
«За оборону Кавказа»

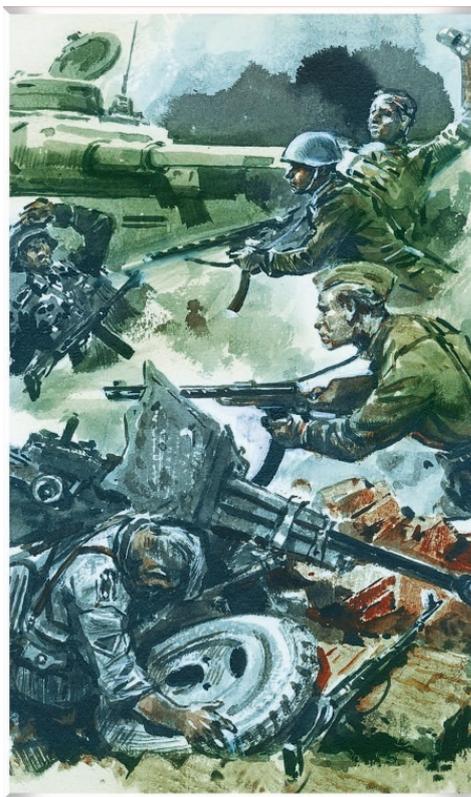
Летом 1942 года, одновременно с наступлением на Сталинград, фашистские генералы бросили свои армии и на юг нашей страны. Они рвались на Кавказ.

Фашистов манили богатства этих мест – хлеб Кубани, кавказская нефть. Они планировали дойти до Тбилиси, до Батуми, до Баку. «Эдельвейс» – так назвали фашисты свой план покорения советского Кавказа. Эдельвейс – это цветок, растущий высоко в горах.

Была у фашистов и еще одна цель. Захватив Северный Кавказ и Закавказье, подчинив себе Грузию, Азербайджан и Армению, они надеялись открыть своим войскам путь на Ближний Восток и в далекую Индию.

На юге нашей страны разгорелась огромная битва – битва за Кавказ.

Не свершились планы фашистов. Рухнули. В упорных боях советские войска разгромили фашистских захватчиков.

О том, как разворачивалась битва за Кавказ, как после первых неудач советские армии перешли в наступление, как они били фашистов в горах Кавказа, как прогнали их затем с богатых хлебом кубанских равнин и с Таманского полуострова, о полном провале фашистского «Эдельвейса» и написаны эти рассказы.

Южнее Ростова

Шла в то лето к врагам удача. Отважно сражались советские воины. И все же сила была у фашистов. Предприняв штурм Сталинграда, фашисты одновременно начали наступление на Кавказ. Прорвали враги под Ростовом советский фронт. Отходили от Ростова на юг к Кавказским горам солдаты.

Понимают солдаты: все на войне бывает.

Верят солдаты в нашу победу. И все же фашисты пока сильнее. И все же фашисты идут вперед.

Здесь, южнее Ростова, на огромных степных просторах, хотят они окружить советские армии. Бросили фашисты вперед ударные танковые группы. Назвали их «кулаками».

Один из фашистских ударов проходил через станицу Кущёвскую. Тут в числе других сражалась 13-я кавалерийская дивизия. Состояла она преимущественно из казаков. Стойко дралась дивизия.

Ударили фашисты, взяли Кущёвскуто. Тут же доклад генералу:

– Хайль Гитлер! Взята Кущёвская.

Только генерал порадовался, только сказал «зер гут!», как новый спешит офицер с докладом:

– Хайль Гитлер! Оставили наши Кущёвскую.

«Что такое?! – в недоумении генерал. – Взяли! Оставили! Что? Почему! «Вас истлос?» – «Что случилось?»

Действительно, оставлена была фашистами Кущёвская. Казаки-герои ее отбили.

Дал генерал приказ:

– Немедля вновь овладеть Кущёвской!

Снова в атаку пошли фашисты. Вновь к генералу спешит офицер:

– Хайль Гитлер! Взята Кущёвская!

Только руку отнес от фуражки, только сделал свой шаг «кругом», как новый в дверях посыльный:

– Хайль Гитлер! Оставлена нами Кущёвская.

– Что?! – заревел генерал.

– Там казаки, – говорят генералу.

Поморщился генерал. Нелегко иметь дело с казаками.

– Взять, – приказал, – Кущёвскую!

Вновь закипели бои за Кущёвскую. Час проходит, идут бои. Два проходит, идут бои. Ночь наступила, идут бои.

Отбили фашисты опять Кущёвскую. Снова посыльный спешит к генералу.

– Спит генерал, – говорят адъютанты.

– Сообщение важное, – докладывает посыльный. – Нами взята Кущёвская.

Решают адъютанты: будить, не будить генерала. Пока решали, новый гонец примчался.

– Хайль Гитлер! Оставлена нами Кущёвская.

Не только здесь, под Кущёвской, но и в других местах наносили наши по фашистам тогда удары. Не удалось фашистам южнее Ростова окружить советские войска.

И все же фашисты в тот час были сильнее. Больше пушек у них, больше танков, больше снарядов.

Отходили наши войска. Отступали.

«Варвара»

Бойцы Платон Бурун и Константин Беседин составляли один боевой расчет. Входил расчет в отделение противотанковых ружей. Ружье длинное, тяжелое. Носят его двое. Идешь, под весом ружья прогибаешься.

Свое противотанковое ружье Бурун и Беседин называли «Варварой». Почему? Трудно ответить точно. Возможно, потому, что громким было. Возможно, о чем-то имя каждому говорило. Возможно, понравилось просто имя.

Любили солдаты свою «Варвару». С ружьем, словно с живым, разговаривали:

- Ну, «Варварушка», целься.
- Ну, «Варварушка», стрельни.
- Э-эх, не туда, «Варвара»!
- Ура! Молодец, попала!

Фашисты двигались на Кропоткин, на Ставрополь. И здесь вперед прорывались танки. С одной из танковых групп врага и повстречались Бурун с Бесединым. Вступили солдаты в бой. Заработала их «Варвара».

– Целься, «Варварушка», целься, – шепчет Бурун. Он старший в расчете. Он и ведет огонь.

Присмотрелась «Варвара» к фашистскому танку. Поймала в прицел врага. Выстрел – и нет врага!

– Спасибо, родная, – шепчет Беседин. Он тут же рядом. Он подает снаряды.

Продолжается бой с фашистами.

Поймала «Варвара» в прицел врага. Не уйти от «Варвары» танку. Секунда – и замер фашистский танк.

– Так им, так им! – шепчет ружью Бурун.

– Эх, расцелую тебя, голубушка! – Это слова Беседина.

Новый ползет на героев танк. Ловит, ловит «Варвара» в прицел врага.

– Не торопись, не торопись, – шепчет ружью Бурун.

– По лапам его, по лапам! – это слова Беседина.

«По лапам» – означает по гусеницам.

Понимает все это и без подсказки солдат «Варвара». Конечно – по лапам лучше, конечно – спешить не стоит. Да ведь рядом совсем фашист. Вот-вот и днищем тебя накроет. Секунда. Вторая.

Ну, не зевай, «Варвара»!

Выстрел. Выстрел. Ура! Попала!

Четыре фашистских танка уничтожили в этом бою Бурун и Беседин.

После боя солдат хвалили. Смущались бойцы, краснели:

– Это же все «Варвара».

Расцеловали они «Варвару».

«Эх, жаль, комиссар не видит!»

Бои шли на Таманском полуострове. Два моря омывают таманские берега – Черное и Азовское. К обоим морям сразу фашисты рвутся.

Самый крупный город в этих местах Темрюк. Лежит он в низовьях реки Кубани. За Темрюк и велась бой.

Военным комиссаром одной из сражавшихся под Темрюком частей был полковой комиссар Ефимов. Любили бойцы своего комиссара. Особенно ценили его мнение. Если Ефимов кого похвалит – это награда из всех наград.

Шел бой за важную высоту. Вместе со всеми здесь находился и комиссар Ефимов. То при одной, то при другой он роте. Быстр. Поспевает всюду. Целый день продолжался бой. Устали бойцы от атак, контратак, от канонад и военного крика. Однако смотрят на комиссара. Здесь, со всеми в бою, комиссар. Посмотрят на комиссара – как-то сразу усталость меньше.

Совершил боец Пересохни подвиг. Довольны бойцы: комиссар увидел.

– Герой! – похвалил комиссар.

Совершил подвиг боец Сазонов. Похвалил и его Ефимов. Снова солдаты:

– Повезло – комиссар отметил.

Все труднее, сложнее бой. Вечер солнце к закату клонит. Снова в атаку пошли фашисты. То там, то здесь – рукопашный бой.

Новый боец отличился. В рукопашной храбрец сошелся. Удар направо, удар налево – и два фашиста простились с жизнью.

Оглянулись солдаты, хотели крикнуть:

– Посмотри, комиссар!

Нет комиссара рядом. Видно, в другой он роте.

Продолжает боец сражаться. Сожалеют солдаты:

– Эх, жаль, комиссар не видит!

Побежали солдаты к бойцу на помощь. Пока добежали, еще двоих врагов уложил в рукопашной схватке храбрец. Отступили фашисты. Отошли и даже оставили два пулемета.

Подходят солдаты:

– Вот это да! Четыре убитых фашиста и два пулемета!

– Эх, жаль, комиссар не видит!

Интересно солдатам, кто же таков герой. Совсем рядом они с отважным. Посмотрели – так это же сам комиссар Ефимов!

«Затонула»

Фашисты наступали на город Грозный. Упорные бои развернулись у реки Терек возле Моздока, у Прохладного, у Гвардейского, у Майского, у города Малгобека.

– Взять Грозный! Взять Грозный! – несутся приказы Гитлера.

Грозный – это не просто город. Здесь, под Грозным, богатейшие залежи нефти. Нефть и нужна фашистам.

Брошены сюда, на Терек, для удара на Грозный отборные фашистские силы. Даже дивизия «Викинг» – одна из лучших фашистских дивизий – прибыла. Жили когда-то давным-давно викинги – отважные воины и мореплаватели. Навечно вошли в историю. Вот и фашистские викинги:

– Мы тоже хотим в историю!

– На все времена и годы!

Мечтают фашисты: возьмут они Грозный, возьмут затем город Махачкалу, достигнут Каспийского моря. А там шаг – и Баку, а там шаг – и пиши на века в историю.

Узнали наши бойцы, что под Моздок, на Терек, прибывает дивизия «Викинг». Ходят они в разведку – кого бы схватить из викингов.

Схватили как-то фашиста:

– «Викинг»?

– Найн! Найн! – трясется тот. И называет вовсе другую часть.

Схватили второго:

– «Викинг»?

– Найн!

Упорны солдаты, поймали фашиста третьего. Нагло смотрит на советских бойцов фашист:

– Русиш – капут!

– Кавказ – капут!

– Грозный – капут!

Ясно солдатам: попался «викинг». Сдали фашиста в штаб.

Рвутся фашисты к Грозному. Обрушились на поселок Прохладный. Однако в жарких боях отбиты.

– Остудил их Прохладный! – смеются солдаты.

Наступали фашисты на хутор Гвардейский. Разбиты они под Гвардейским. Довольны солдаты:

– Не лезь на Гвардейский! Тут под Гвардейским удар особый.

Бросились фашисты к Майскому, ломились у стен Малгобека, пытались пробиться в других местах.

Перекрыли солдаты надежно все подходы фашистам к Грозному, в жарких боях разбили. «Долиной смерти» назвали эти места фашисты.

Не досталась под Грозным кавказская нефть врагам. Оправдал свое имя Грозный.

Ну а как же дивизия «Викинг», чем завершилась ее история?

Не дошла она до Баку, до Каспийского моря. Здесь, у Терека, «затонула».

Эльхотовские ворота

Ворота. Ворота. Эльхотовские ворота. Предприняли фашисты и еще одну попытку пробиться к Грозному. Ударили на селение Эльхотово, тут рядом Эльхотовские ворота. Так называется узкий проход между двумя горными хребтами, открывающий дорогу на город Грозный. «Стучалась» в Эльхотовские ворота 13-я танковая дивизия фашистов. Командовал дивизией генерал Траугот Герр.

Опытен в боях генерал. Напорист.

Десять суток длились бои под Эльхотово. Танковая атака шла за атакой. Танкам помогали фашистские самолеты. Шли они группа за группой, как волны в море. Налево, направо бросали смерть. Склоны вокруг Эльхотово покрыты густыми горными лесами. Именно здесь, на этих склонах, располагались позиции советских войск. Подожгли фашисты леса. В безумном вихре мечется пламя. Старается уничтожить все живое, бушует рядом огонь и сталь.

Устояли, удержались советские солдаты.

Не утихает сражение.

Докладывают генералу Трауготу Герру:

– Двадцать наших танков подбито русскими.

Бросает коротко Герр:

– Вперед!

Докладывают генералу Трауготу Герру:

– Пятьдесят наших танков подбито русскими.

Бросает коротко Герр:

– Вперед!

Продолжают фашисты свои атаки.

– Сто наших танков подбито русскими, – новый доклад генералу.

Знает генерал Траугот Герр об огромных своих потерях: и о танках, и о том, что несколько тысяч немецких солдат уже сложили здесь, у Эльхотовских ворот, свои головы. И все же снова:

– Вперед! – командует генерал.
Должен он пробиться сквозь эти проклятые ворота. Должен. Обязан. Пробьется.
– Пробьемся! – заявил генерал Траугот Герр. – Я сам принесу победу!
Приказал он подать его личный танк.
Подошла к генералу машина.
Надел генерал Герр на голову шлем, махнул кожаной перчаткой, опустился в танковый люк.
Рванулась вперед машина.
Устремились за генералом в прорыв и другие танки.
Несутся, несутся враги вперед.
Не прошли далеко фашисты.
Стали у них на пути советские артиллеристы. Устремились снаряды врагу навстречу.
Один из первых снарядов и угодил в генеральский танк.
Нет генерала Герра. Нет Траугота. Пришибли его ворота.

Миссисипи с Миссури

Грозный – это восточная часть Кавказа. Город Майкоп находится на западной его стороне. Места вокруг Майкопа так же, как и в районе Грозного, очень богаты нефтью. Пытаются и сюда пробиться фашисты. Шесть танковых дивизий брошены на Майкоп.

Идут танки, идет пехота, вслед за пехотой, за танками движется специальный отряд. Это немецкие техники и инженеры. Отряд называется «бригада минеральных масел». В бригаде специалисты по бензину, по нефти, по разным машинным маслам и другим продуктам, которые можно добыть и получить из нефти.

Был в составе бригады инженер по фамилии Крае. Распевал соловьем, подходя к майкопским богатствам, Крае:

- Будет в Майкопе нефть!
- Будет для нас бензин!
- Будет для нас керосин!
- Будут озера, реки и водопады натуральных минеральных лучших кавказских масел!..

Огромные планы у захватчиков. Все возьмут под строгий они контроль. Всех привлекут к работе. Удвоят, утроят, удесятерят добычу майкопской нефти. Нужна фашистской Германии нефть, как кислород, как воздух. Огромные силы были брошены на Майкоп.

На каждого советского солдата – четыре солдата фашистских.

На каждую нашу пушку – десять фашистских пушек.

На каждый советский танк – без счета фашистских танков.

Не сдержали наши напор врага. Ворвались в Майкоп фашисты. Телеграммы летят в Берлин: «Хайль Гитлер! Майкоп захвачен».

Вновь напевает Крае:

- Море здесь нефти! Море бензина! Миссисипи с Миссури различных масел!..

Ворвались в Майкоп фашисты. И тут...

Где же нефть? Где же бензин? Где керосин? Где озера, реки и водопады масел?!
Нет нефти. Нет бензина. Нет керосина. Нет Миссисипи и нет Миссури. Пусты склады.
Да и нет самих складов. Взорваны склады.

Бросились фашисты к нефтяным скважинам. Забиты, засыпаны, выведены из строя скважины.

Бросились к нефтяному оборудованию. Вывезено оборудование.

Ничего не оставлено врагам. Все спасено или уничтожено патриотами.

В гневе фашистские генералы. Понимают: опередили их советские люди, опоздали фашисты, лишились нефти.

Соловьем больше не распекает Крае. Наохлился, как ворона. «Крае» в переводе и есть «ворона».

Охота на мамонтов

Новороссийск. Город-воин. Город-герой. Город на Черном море, морской и военный порт, самый крупный на всем Кавказе.

В августе 1942 года фашисты начали наступление на Новороссийск.

Много разных укреплений и заграждений было в те дни возведено нашими войсками вокруг города. Предложили саперные офицеры применить и танковые ловушки. Представляли они из себя глубокие ямы. Были вырыты танковые ямы и на подходах к городу и даже в самом Новороссийске.

Одну из таких ям-ловушек соорудили на месте старого погреба. Расширили его, углубили. Сверху положили доски, землей присыпали. Для отвода глаз, для маскировки даже дерном слегка обложили, даже гальки морской чуть бросили. Глянешь со стороны – никакой опасности.

Приходили бойцы, смотрели:

– Вот это да-а!

– Для танка?!

– В яму – и будь здоров!

Как в доисторические времена – охота на мамонтов.

Не зря трудились саперы. Сослужили добрую службу ямы. Вот и та – на месте старого погреба. Как раз именно здесь проходила одна из танковых атак врага. Первый же фашистский танк и угодил в яму. Шел он к яме, словно магнит к ловушке. Шел, стрелял из башенного орудия, строчил из пулемета. И вдруг... рухнул под землю. Исчез. Пропал.

– Есть!

– Готово! – раздались крики.

Подходят солдаты к танковой яме:

– Мамонт!

Упорными, долгими были бои за Новороссийск. И все же к середине сентября большая часть города оказалась в руках фашистов.

– Шварце мер! Черное море! – торжествовали враги.

Действительно, вышли фашисты к Черному морю. Надеялись отсюда берегом моря прорваться дальше, на юг Кавказа.

Не получилось. Препрадили наши войска дорогу врагам на юг.

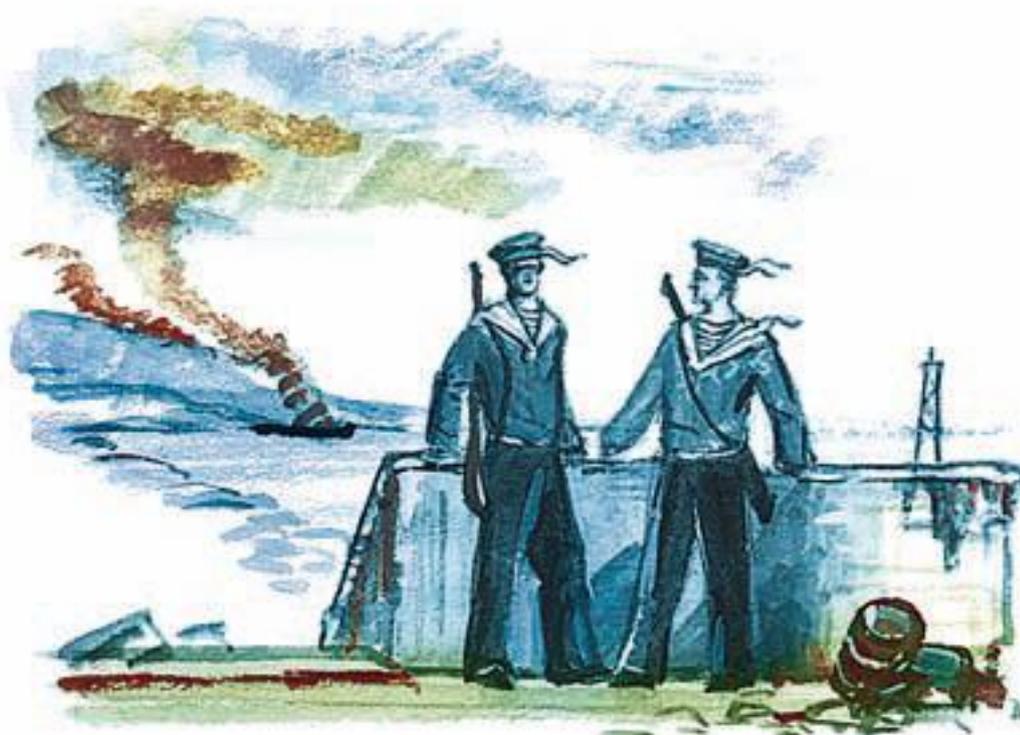
Надеялись фашисты стать хозяевами Черного моря.

Тоже не получилось. Блокировали наши Новороссийск. Держали под обстрелом все морские подходы к городу.

Остановили советские воины фашистов. Застрял в Новороссийске, как в ловушке, фашистский мамонт.

Морская профессия

Много на боевых кораблях разных служб, много на флоте разных морских профессий: минер, бомбардир, рулевой, радист, электрик, механик. Десятки различных морских специальностей.

Любил пехотинец ефрейтор Наседкин определять по виду матроса его корабельную принадлежность, его профессию. Всегда угадывал.

Было это в городе Новороссийске незадолго до начала боев за город. Шел как-то Наседкин Приморской улицей с дружкой-приятелем рядовым Клюшкиным. Краснофлотец идет навстречу.

Посмотрел Наседкин на краснофлотца.

– Минер, – шепчет Клюшкину.

Поравнялись они с матросом.

– Братец, скажи, какова у тебя боевая профессия? – спросил Наседкин.

Подивился матрос вопросу, однако ответил:

– Минер.

– А! Что?! Что я тебе говорил! – торжествует Наседкин.

Идут они дальше. Снова навстречу матрос шагает.

– Радист, – шепчет Наседкин Клюшкину.

Поравнялись они с матросом. Спрашивает Наседкин:

– Братец, какова у тебя боевая профессия?

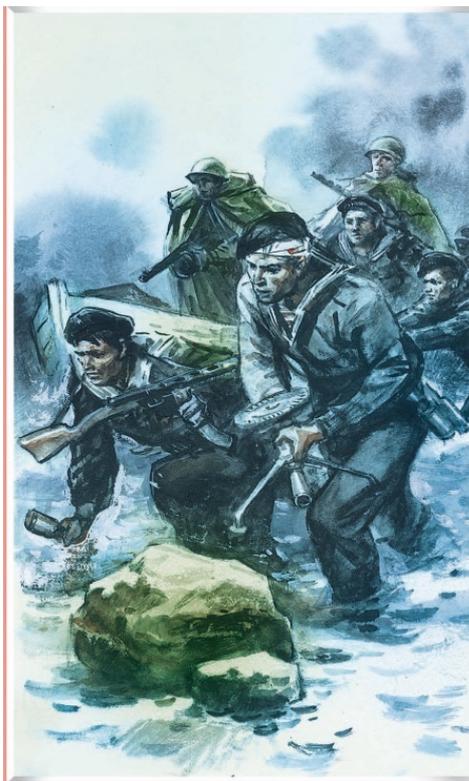
Посмотрел удивленно матрос на солдата. Однако ответил:

– Радист.

– А! Что?! Что я тебе говорил! – торжествует опять Наседкин.

Третьего повстречали они краснофлотца.

– Этот бомбардир, – произнес Наседкин.
Верно. Оказался матрос бомбардиром, то есть морским артиллеристом.

Смотрит рядовой Ключкин на ефрейтора Наседкина:

– Вот так волшебник! Волшебник и маг!

Не маг, не волшебник Наседкин вовсе. Просто наблюдательный он человек. Знает: минеру нужна осторожность. Смерть всегда рядом. Опасна поспешность. Вот и походка у минера плавная, степенная.

Знает: радист всегда в напряжении. Главное здесь – быстрота в работе. Вот и походка у радиста быстрая.

Прошло несколько дней.

Наседкин и Ключкин снова шли по Приморской улице. Снова встречаются они краснофлотцев. Вот первый идет навстречу.

– Рулевой, – шепчет Наседкин Ключкину.

Поравнялись они с матросом.

– Братец, какова у тебя боевая профессия?

– Автоматчик, – ответил матрос.

– Что такое? – смутился Наседкин. – Как же так? По всему видать – рулевой. Вот ведь и шею вытянул, и смотрит вверх всего. Рулевой, конечно.

Снова навстречу идет матрос.

– Электрик, – шепчет Наседкин Ключкину.

Поравнялись они с матросом.

– Братец, какова у тебя боевая профессия?

– Автоматчик, – ответил матрос.

Смутился опять Наседкин:

– Электрик, ведь по всему – электрик. Вона на пальцах, смотри, подпалины.

Новых встречают они матросов. И третий сказал – автоматчик. И четвертый сказал – автоматчик. И пятый, и шестой, и седьмой, и десятый. Стоит Наседкин, развел руками.

– Непонятное что-то, – твердит Наседкин.

И Ключкин стоит, поражается: на боевом корабле и вдруг профессия – автоматчик, словно у них в пехоте.

Не знал Наседкин, не знал Ключкин – повстречали они морских пехотинцев.

Покидали в те дни многие из краснофлотцев свои суда. Сходили на берег, на землю. Создавались для защиты Кавказа из моряков Черноморского флота в помощь наземным войскам специальные стрелковые роты и батальоны.

Много славных подвигов, защищая Родину, совершили в годы Великой Отечественной войны сухопутные моряки.

Идут моряки-пехотинцы, морская пехота. Автоматчик – главная здесь профессия.

История с Барманцаком

Севернее Северного Кавказа, там, где кончается Ставропольская возвышенность, за реками Кумой и Маныч, начинаются калмыцкие степи.

Привольны, хороши калмыцкие степи. До Нижней Волги, до Каспийского моря тянутся. Развернулись и здесь бои. Вторглись фашисты в калмыцкие степи, к Каспийскому морю через калмыцкие степи хотят пробиться.

Одной из советских частей, действовавших в этом районе, были приданы верблюды. Оказались верблюды солдатам в их солдатских делах надежными помощниками. Особенно понравился бойцам верблюд по кличке Барманцак.

Был он на редкость трудолюбивым.

Был он на редкость неприхотливым.

Память имел хорошую.

Вот какая однажды приключилась с верблюдом история.

Напали как-то фашисты на наш полковой обоз. Пленили Барманцака. Погнали в свою часть. Поражались фашисты, глядя на верблюда.

– Камел! Камел! – на своем языке кричали. «Камел» – это и есть по-немецки «верблюд».

Залезали фашисты к Барманцаку на спину. Усаживались между верблюжьих горбов.

– Гут! – голоса оттуда. – Гут!

Переживали наши бойцы, что лишились, что не отбили у налетчиков двугорбого друга. Даже появился у наших план: мол, проберутся к фашистам разведчики, узнают, где пленник, а затем смельчаки совершат отважный налет и вернут Барманцака в родные окопы.

Так бы, наверно, оно и было. Да вдруг! Что такое?! Что за клубилось там вдалеке, кто по степи несется?

Присмотрелись солдаты: так это же Барманцак!

А кто там верхом на Барманцаке?!

Недолго пробыл Барманцак в фашистском плену. До первого вечера. До первого ужина. Дело в том, что каждый вечер наши бойцы верблюда вкусно и сытно кормили. Привык к вечерним угощениям Барманцак. Вот и рванул на ужин. Сложилось так, что как раз в это время взобрался на спину Барманцака очередной фашист. Уселся между верблюжьих горбов, произнес, как и другие, «гут!». В этот момент и побежал Барманцак. Примчал он фашиста к нашим.

Спустили наши фашиста на землю. Отличный принес Барманцак подарок!

Смеются бойцы:

– Ай да Барманцак! Знаем теперь, кого посылать за «языком» к фашистам.

А тут и еще одно. Закипела у гитлеровского солдата на Барманцака злоба. Повернулся к верблюду, замахнулся на Барманцака. Был Барманцак, как все верблюды, очень обидчивым. Посмотрел на гитлеровца, пошамкал губами, пошамкал, собрал слюну и, как из миномета, в фашиста плюнул.

Расхохотались солдаты:

– Правильно!

– По назначению!

Не пробились фашисты через калмыцкие степи к Каспийскому морю. Пришел срок – были и здесь разбиты.

Кавказские перевалы

Большой Кавказ. Кавказские горы. На сотни и сотни километров протянулись они от берегов Черного до берегов Каспийского моря.

За Кавказскими горами лежит Закавказье. Это три республики – Грузинская, Азербайджанская и Армянская.

Разные пути ведут в Закавказье. Есть путь берегом Черного моря – через Новороссийск, Туапсе и Сочи.

Есть путь берегом Каспийского моря – через города Грозный, Махачкалу и Дербент.

Есть и еще один путь. Третий.

Не прорвались фашисты в Закавказье со стороны Новороссийска берегом Черного моря. Не дошли со стороны Грозного и калмыцких степей даже до берегов Каспийского моря.

– В горы! В горы! – кричат фашисты. – В горы, на Кавказские перевалы. Кавказские перевалы и есть третий путь в Закавказье.

Перевалов несколько. Это знаменитый Крестовый перевал. Путь на него лежит через город Орджоникидзе (Владикавказ) и мрачное Дарьяльское ущелье. Это перевал Мамисонский, перевал Клухорский. Перевалы Марухский, Умпырский, Санчаро, Псеашха, Донгуз-Орун-Баши. Есть и другие перевалы.

К перевалам и устремились теперь фашисты.

Вьются, вьются дороги в горы. Идут вдоль ущелий, в теснинах жмутся. Ползут на уступы, ползут на скалы. Все выше, все выше – туда, где лавины, где камнепады.

Вьются, вьются к вершинам тропы. Словно заячий след, петляют. Все выше, все выше – туда, где ветры штурмуют небо, где рассветы орлы встречают.

Три старинные дороги ведут в Закавказье: Военно-Грузинская, Военно-Осетинская, Военно-Сухумская. Есть и другие дороги. По старинным кавказским военным дорогам грозно война шагает.

Специальные части послали сюда фашисты. Дивизии легкопехотные, дивизии горно-стрелковые. Шагают стрелки альпийские, шагают стрелки тирольские, горные егеря.

Специальную науку прошли солдаты. Большие награды сулят фашистам. Грозная сила идет к перевалам. Крадется недруг к хребтам Кавказа.

Красивый в кавалерии, сильный в артиллерии

Сержант Нико Долидзе был командиром орудия. Смел он в боях. Неутомим в сержантских своих делах. Любое дело в руках у Долидзе спорится.

Пристала к Нико Долидзе забавная поговорка: «Красивый в кавалерии, сильный в артиллерии».

Вот и сейчас... Тащат солдаты вброд через горную речку пушку. Упирается в пушку плечом Долидзе, толкает и тут же другим командует:

– Раз-два – взяли! Раз-два – взяли! Красивый в кавалерии, сильный в артиллерии. Раз-два – взяли! Раз-два – взяли!

Отходили солдаты. Отходили с боями, с атаками, с контратаками. Сражались, как львы, как тигры. И все же фашисты теснили наших.

Разное было в пути, в дороге. Вначале, когда шли по кубанским степям, артиллеристы на орудийных передках, на лафетах ехали. Потом, когда пошли отроги Кавказских гор, пешком, рядом с лошадьми стали идти солдаты. Все круче пошли подъемы. Все труднее лошадиным упряжкам тащить орудия. Помогают солдаты теперь лошадям. Сами впряглись в орудия. То лошадям, то себе командуют:

– Эй, саврасые, эй, буланые! Дружней, вороные, каурые!

– Эй, белобрысые, эй, чернявые! Налегай, синеокие, голубоглазые!

Дальше и вовсе дороги кончились. Распрягли лошадей солдаты. Сами тащат теперь орудия. Слышится голос Нико Долидзе:

– Красивый в кавалерии, сильный в артиллерии. Раз, два – взяли! Раз, два – взяли!

Кончились тропы. Кручи пошли, уступы. Посовещались артиллеристы, на руках понесли орудия. Разобрали на части пушки.

Колеса отдельно, стволы отдельно, лафеты отдельно, снаряды отдельно. Взвалили на плечи стальную ношу. Упрямо идут вперед.

Вот и вовсе солдат обступили скалы. Как же пушки – сюда, на скалы?

Неутомимы солдаты.

– Тащи веревки! – кричит Долидзе.

Привязали солдаты веревки к орудийным стволам, к лафетам. Слышится голос Нико Долидзе:

– Красивый в кавалерии, сильный в артиллерии. Раз-два – взяли! Раз-два – взяли!

Ухватились за веревки артиллеристы. Ползут на скалы стволы, лафеты. Установили солдаты орудия там, высоко в горах. Огнем артиллерийским фашистов встретили.

Хвалили командиры Нико Долидзе. Хвалили других солдат:

– Богатыри! Герои!

Смущались солдаты, смущался Нико Долидзе.

– Красивый в кавалерии, сильный в артиллерии.

Стоят они сильные и красивые.

Метелицей выются пули

Очень тяжелые бои шли у города Орджоникидзе (Владикавказ). Город Владикавказ – столица Северной Осетии. Здесь начинается знаменитая Военно-Грузинская дорога. Проложена она через суровое Да-рьяльское ущелье, ведет к Крестовому перевалу. Поднялся в горы. Перешагнул Крестовый – перед тобой Закавказье.

Город Владикавказ – ключ к Крестовому перевалу.

Все сильнее, сильнее здесь напор фашистов. Рвутся, рвутся вперед фашисты, огнем и металлом давят. Но все упорнее становится и сопротивление советских бойцов. Огонь на огонь. Металл на металл. Сила идет на силу. Не смогли фашисты вперед прорваться. В упорных боях застряли. Перешли неприятели к обороне. Пришлось им возвести около города укрепленные полосы. На многие километры протянуть проволочные заграждения.

У этих полос и кипели теперь бои. У этих полос и совершил свой подвиг сержант Таран.

Знают бойцы Тарана. И фамилия военная. И сам богатырь, глянешь, словно отлит из стали.

Была у Тарана привычка свою богатырскую силу пробовать. Пулемет «максим» выжимал, как гирю. Снаряды, словно мячи, подбрасывал. Даже как-то поднял полковое орудие.

Смеются солдаты:

– Тебе бы на плечи танк!

Упорны враги в наступлении, упорны они и в защите. Вот и здесь, на участке, на котором сражался сержант Таран. Бросались несколько раз советские солдаты в атаку. Добегали до проволочных заграждений. Фашисты открывали бешеный огонь. Приходилось бойцам прекращать атаку.

Вот вновь залегли солдаты. Вместе со всеми лежит и сержант Таран. Проволочные заграждения здесь особые. Обычно забивают колья в землю, а затем прикрепляют к ним про-

волоку. А здесь кругом скалы, камни. Не загонишь в скальную породу кол. Колья здесь сбиты крест-накрест и просто стоят, упираются концами в землю.

«А что, если...» – подумал Таран.

Смотрит Таран на проволочные заграждения:

– А что, если...

Вновь команда дана к атаке. Вновь устремились бойцы в атаку.

– Следи за мной! – прокричал Таран.

Следят за Тараном другие бойцы. Хотя и не сразу поняли, в чем дело.

Подбежали солдаты к проволочному заграждению. Вдруг видят: Таран устремился к ближайшим кольям. Нагнулся. Под колья бросился. Что-то отвел руками. И вот уже колья отошли от земли. На плечах у сержанта колья.

Поползли они вверх. Поднимаются вместе с Тараном. Вместе с кольями поднимается и проволока. Вот она уже выше солдатских колен. Вот – и на уровне пояса. Выше, еще выше полезла проволока. Возник в колючем заборе просвет, образовалась арка.

Устремились в просвет советские солдаты.

– Вперед! – прокричал Таран.

Не устояли фашисты под нашим напором, под быстрым натиском. Побежали, бросив свои позиции.

За свой воинский подвиг сержант Таран был удостоен высокой боевой награды. Он стал Героем Советского Союза.

Крест на перевале

Не смогли фашисты со стороны города Владикавказа прорваться к Крестовому перевалу. Выбрали новый путь – через Суарское ущелье.

В бой с фашистами здесь вступили части, составленные из моряков-черноморцев и курсантов военно-морских училищ.

Места для бойцов новые, незнакомые.

Сообщили воинам-морякам:

– Прибудут проводники. Местные жители. Партизаны.

И верно: вскоре прибыл один из проводников. Глянули воины на партизана: старик стариком, борода до пояса.

– Отец, сколько ж тебе годов?!

– Восемьдесят, – важно сказал старик.

Прибыл второй проводник. Глянули воины на партизана: а этот еще древнее, седины со всех четырех сторон.

– Отец, сколько ж тебе годов?!

– Девяносто, – важно сказал старик.

Третий посланец прибыл. Глянули воины на партизана: ну, право, столетний дед явился. Так и есть.

– Отец, сколько ж тебе годов?!

– Сто, – важно ответил дед.

Звали старика Тасолтан Апаевич Базров.

– Ну куда же тебе в партизаны?!

Старик стал сердиться:

– Война. Разве могу я голову под шкуру баранью спрятать?

Был он в черкеске, в папахе, кинжал на ремне у пояса. Ружье на плече висело.

Посмотрели бойцы на ружье. Старше деда ружье – кремневое. Хотя и сто лет Тасолтану Базрову, однако оказался он на редкость подвижным, на редкость выносливым.

Знал Базров все тропы в Суарском ущелье, знал все скалы, уступы, завалы. Где лучше устроить засаду, как незаметно проникнуть в тылы к противнику, какими путями надежнее доставить своим боеприпасы – все точно расскажет, покажет дед. Незаменимым он стал в отряде.

Правда, посмеивались бойцы над кремневым его ружьем.

Вновь обижался Базров.

– Деды сражались, – твердил старик. – Лишь то хорошо ружье, которое бьет без промаха.

Подарили моряки деду тельняшку, затем бескозырку. Затем автомат вручили.

Понравился старику огневой подарок. Однако не расставался Базров и со старинным ружьем. Сидит в засаде. Держит в руках автомат. Рядом – ружье кремневое.

– Деды сражались, деды сражались, – твердит старик.

Удержали советские воины Суарское ущелье. Прогнали фашистов. Стояли в строю победители. Тут же со всеми и столетний партизан Тасолтан Базров. В тельняшке морской, в бескозырке, в горской своей черкеске. В руках автомат и ружье кремневое.

Смотрели воины на старика. Вот он – орел кавказский.

Не пробились фашисты к Крестовому перевалу.

Довольны солдаты:

– Крест и здесь на фашистских мечтах поставили.

Донгуз-Орун-Баши

Не верил солдат Трофимов, переспрашивал:

– Через перевал? Через Донгуз-Орун-Баши?

– Перейти?

– Целой дивизией?

– Вместе с ранеными?

– Вместе с населением?

– Перегнать скот?

– Переправить грузы?

– Сейчас?

– В это время?

– Глубокой осенью?

– Почти зимой?

– Не может быть!

Смеется Надар Задиани:

– Может, может. Клянусь, как брату!

Дружит Трофимов с Надаром Задиани. Любому слову Надара верит. Но тут... Через Донгуз-Орун-Баши? Через перевал? Поздней осенью? Почти зимой? Перейти? Чудес не бывает.

Донгуз-Орун-Баши – один из самых трудных кавказских перевалов. Находится он в центральной части Кавказского хребта. Высота перевала достигает почти четырех тысяч метров. Проходит здесь едва заметная горная тропа. Летом и то с трудом осилишь такую тропу, такие высоты. С наступлением осени всякое движение через Донгуз-Орун-Баши вообще прекращается. В ноябре наступает долгая горная зима.

Перевал укрыт трехметровым снегом, закован ледяной броней. Не подходи в эту пору к перевалу. Непроступной крепостью возвышается Донгуз-Орун-Баши.

Осенью 1942 года военная обстановка в Кавказских горах сложилась так, что одна из советских дивизий была отрезана от остальных войск. Прижали ее фашисты к Баксанскому

ущелью. Отрезана дивизия от наших. Прекратился подвоз в дивизию боеприпасов, перестало поступать горючее, продовольствие.

Уверены фашисты:

– В наших руках дивизия!

Положение дивизии осложнялось еще и тем, что тут же, в Баксанском ущелье, находилось более трехсот тяжелораненых советских бойцов. Тут же собралось и мирное население: старики, женщины, дети, которые не хотели оставаться под властью фашистов. Скопилось в ущелье и около двадцати тысяч голов колхозного скота – коровы, лошади, овцы. К этому надо добавить различные военные грузы и тонны очень ценных для военной промышленности металлов – вольфрама и молибдена, которые были добыты тут, в горах, и которые надо было спасти, чтобы они не попали в руки фашистов.

Что же делать?

Пытались войска пробиться, отбросить фашистов. Силы неравные – не получилось. Путь к спасению только в одном: надо перешагнуть горы.

Верит в успех Надар Задиани. Вспоминает Суворова, суворовский переход через Альпы:

– Прошел Суворов, и мы пройдем.

Не верит Трофимов. От мысли одной холодеет.

– В такую пору? Со скотом? С молибденом? Чудес не бывает.

Люди ждали приказа. Пришел приказ.

Стояла середина ноября 1942 года.

Тронулись в путь солдаты. Трофимов и Надар Задиани оказались в головном отряде. Они помогали саперам пробивать сквозь лед и скалы тропу для идущих войск. Для раненых были приготовлены специальные носилки, специальные санки. Для поднятия грузов к скалам прикреплялись лебедки, протягивались канаты, вырубались ступени. Особая тропа, более пологая, прокладывалась для скота.

Медленно, метр за метром, поднимались люди в горы. Идут солдаты, старики, дети. На груди у каждого висит мешочек. Таково общее правило. В этих мешочках вольфрам и молибден. У Трофимова и Надара Задиани тоже висит по мешочку. За плечами у солдат оружие и военное снаряжение.

Изнурительный был переход.

Деревенели ноги, но люди шли.

Ветер сбивал на землю. Скользили. Падали. Проклинали судьбу. Но шли.

С увеличением высоты воздух становился все более разреженным. Дышать становилось все труднее. Люди задыхались, но шли и шли.

Семь дней продолжался штурм перевала.

Перешли герои через Донгуз-Орун-Баши. Перенесли раненых, грузы. Перегнали скот.

– Перешли! – поражался солдат Трофимов. – Перешли. – Повернул голову, посмотрел на пройденный путь, на горы. – Перешли! Прав Надар: чудеса бывают!

Шашлык по-кавказски

Шашлык по-кавказски – еда-объеденье! На длинном шампуре, под острой приправой. Увенчан, обласкан всемирной славой.

Рядовой Штопке мечтал о шашлыке по-кавказски.

И рядовой Кобленц мечтал о шашлыке по-кавказски.

И фельдфебель Зингер тоже мечтал о шашлыке по-кавказски.

И обер-лейтенант Редер мечтал о шашлыке по-кавказски.

И полковник Хагель тоже мечтал о шашлыке по-кавказски.

И много, и много еще других.

Браво шагали они на Кавказ. Все ближе и ближе красавицы горы.

Представляет Штопке костер и шашлычный запах.

Представляет Кобленц костер и шашлычный запах.

Представляет Зингер костер и шашлычный запах.

Представляет Редер.

Представляет Хагель.

И много, и много еще других.

Идут по кавказским они дорогам. Вот и уступы, вот и теснины. Терек несется. Ревет Баксан. Орлы в вышине клокочут.

Поднимаются фашисты в горы. А в это время там, высоко в горах, – на кручах, на скалах, среди теснин, – укрылись кавказские партизаны. Много их. Есть у народных мстителей метод борьбы с врагами. Взрывчатку под камни. В руки запал. Взрыв! Грохот! И вот лавина с Кавказских гор вниз на врагов несется.

Так и сейчас. Идут Штопке, и Кобленц, и Зингер, и Редер, и Хагель. И много, и много еще других. Идут, о шашлыках мечтают. Вдруг взметнулись от взрыва камни. Устремились смертельным потоком вниз.

Рухнули в пропасть Штопке, и Кобленц, и Зингер, и Редер, и Хагель. И много, и много еще других.

Смешались камни, мундиры, люди.

Спустился в пропасть столетний ворон.

– Салют по-кавказски! – прокаркал ворон.

Два капитана

Была минута величайшей радости у фашистов: достигли фашисты Эльбруса.

Эльбрус – самая высокая гора Кавказа, самая высокая гора Европы.

1942 год. Август. На Эльбрусе фашисты.

– Хайль Гитлер! Хайль!

Шли фашисты нелегкой сюда дорогой. Упорно сражались защитники Кавказа. Много погибло фашистских солдат в горах. И все же пробились, все же дошли до Кавказских вершин фашисты.

Установили на Эльбрусе фашистский флаг.

– Хайль Гитлер! Хайль!

«Россия пала на колени», – писали фашистские газеты. «Последнее испытание», – уверяли своих солдат фашистские генералы.

Фашистский отряд, достигший Эльбруса, возглавлял капитан Гросс. Гросс был известным немецким альпинистом. Еще до войны он дважды приезжал в Советский Союз, на Кавказ, дважды поднимался на вершину Эльбруса. Фашисты щедро наградили участников высокогорного восхождения.

– Национальные герои! – кричал Гитлер.

Все участники подъема на Эльбрус были отмечены орденами. А капитан Гросс получил Рыцарский крест – высшую награду фашистской Германии.

Однако недолго пробыло фашистское знамя на Эльбрусе.

...Военинженер 3-го ранга Гусев находился в Тбилиси, лежал в госпитале. Медленно тянутся дни, часы.

Вдруг шум за дверью. Что такое? Кого-то не пропускают в палату.

Но вот впустили. Вошли трое. Все трое друзья Гусева. Как и Гусев, все воины-альпинисты.

Поздоровались друзья. Подмигнули таинственно Гусеву, достали какую-то бумагу. Развернул Гусев бумагу, прочитал: «Предписание».

Это был приказ, боевое задание. Группе советских воинов поручалось подняться на вершину Эльбруса и сбросить фашистский флаг.

Военный инженер капитан Гусев назначался старшим в этой группе. Не смогли врачи удержать Гусева на больничной койке. На следующий же день он покинул госпиталь.

1943 год. Февраль. Зима. Температура на Эльбрусе достигает сорока – пятидесяти градусов мороза. Ураганной силы бушуют ветры. Почти все время Эльбрус закрыт тяжелыми, хмурыми облаками.

Даже очень опытные альпинисты и те не часто отваживаются зимой подниматься на такие вершины.

Советские воины начали штурм Эльбруса. Они выполнили приказ Родины. Сорвали ненавистное фашистское знамя и подняли над вершиной Эльбруса советский флаг.

Защищая Кавказ, военный инженер Александр Михайлович Гусев принимал участие и во многих других славных операциях советских войск. Когда же завершилась война, он стал ученым, профессором, преподавателем Московского государственного университета.

А как сложилась судьба фашистского капитана Гросса? Не вернулся с Кавказа Гросс. В горах рядом с Эльбрусом во время одного из боев он попал под снежный обвал. Погиб капитан Гросс под многотонной лавиной снега.

Двигается. Двигается. Двигается время. Час полной расплаты снежной лавиной близится.

Привет с Кавказа

Город Киль. Северная Германия. Радуетя Курт Рюге. Хвастает своему другу Гансюргену:

– Майн фатер (мой отец) прислал нам привет с Кавказа!

Показывает он другу фотографию. На фотографии река. На фоне гор улыбающееся лицо немецкого солдата. Внизу по-немецки надпись: «Привет с Кавказа!»

– Флус Кубань, – указывает Курт на реку. – Майн фатер, – показывает на солдата.

Прошло несколько дней. Вновь прибегает Курт Рюге к Гансюргену. Показывает новую фотографию. На снимке горное ущелье. Шагают по ущелью фашистские солдаты. Самый крайний на снимке отец Курта Рюге – Фред Рюге. Внизу по-немецки: «Привет с Кавказа!»

Прошло еще какое-то время. Снова Курт Рюге торопится к Гансюргену. Снова показывает фотографию, полученную от отца. Вот он, солдат Фред Рюге. Вот они, покрытые снегом знаменитые кавказские вершины.

– Большой Кавказский хребет, – объясняет Курт. – Клухорский перевал.

Да, был такой момент, один из самых тревожных моментов в истории сражения за Кавказ, когда фашисты пробились к Клухорскому перевалу. Клухорский перевал в числе трех самых важнейших кавказских переходов. Необходимо остановить фашистов. «Ни шагу назад!» – таким был грозный тогда приказ.

К Клухорскому перевалу направлялись свежие советские войска – части 9-й горнострелковой дивизии, отряды Сухумского пехотного училища, другие подразделения. Стали они стеной на пути фашистов. Вступили с врагами в смертельный бой.

Город Киль. Северная Германия. Снова в дом Курта Рюге пришло письмо.

Запрыгал Курт весело на одной ноге. Помчался к своему другу Гансюргену. Бежит:

– Привет с Кавказа!

– Привет с Кавказа!

Щупает Курт Рюге конверт, понимает: в конверте лежит фотография.

– Майн фатер! Майн фатер! – кричит Курт Рюге.

Вскрыли они конверт, вынули фотографию. Смотрит Курт Рюге, смотрит Гансюрген – что такое? Не видно на фотографии бравого Фреда Рюге. Не видно других солдат. Холмик изображен на фотографии, деревянный крест. «Фред Рюге» – на кресте написано.

Не прорвались фашисты в Закавказье. Были биты они в горах. Много фашистских солдат погибло. И здесь, на Клухорском перевале, и на подходах к другим перевалам, да и в иных местах.

Боялись теперь в Германии писем с Кавказа. С дрожью открывали конверты. Однако идут и идут издалека письма. В конвертах страшный привет с Кавказа.

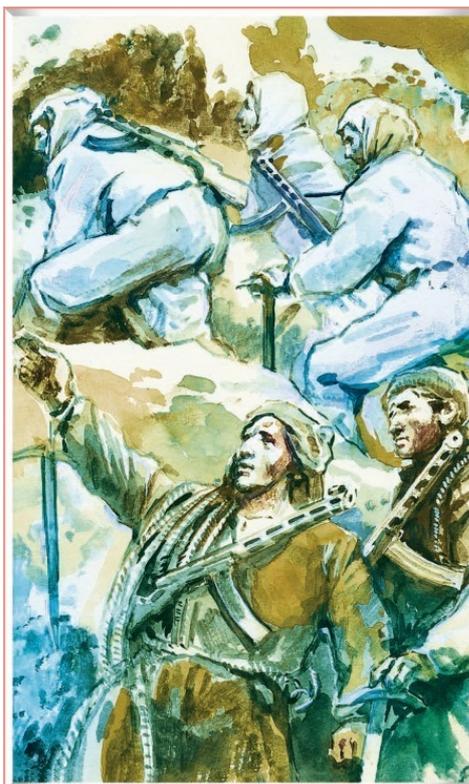

Сто ветров

Страшная битва идет с фашистами. Когда они напали на нашу страну, вместе с другими на защиту своей Родины поднялись и народы Кавказа. Были они: из Сванетии и Кахетии, из Абхазии и Аджарии, из Черкесии и Балкарии, из Осетии, Хевсуретии, Имеретин, из Кабарды, Ингушетии, Дагестана, из Карабаха, из Адыгеи, с равнин Апшерона и с берегов Севана – из разных ближних и дальних кавказских мест.

Горцы. Крепкий народ в горах. Ловкий народ в горах. Горячий народ в горах. Каждый с юности честь бережет. Бьет отвага вулканом в каждом.

Доблестно служили они на суше: кто в пехоте, кто в кавалерии, кто в артиллерии, кто в саперах, кто в танкистах, в прожектористах, кто в воинах-альпинистах.

Доблестно служили они на флоте. Кто в подводниках, кто на катерах-охотниках, кто на тральщиках, на перехватчиках, на эсминцах, на миноносцах, кто на крейсерах, на плавбазах, кто на лидерах и линкорах.

Бились они у Бреста. Сражались они у Киева, у стен Одессы, у стен Севастополя. Не пустили врагов к Москве. Защитили Неву и Волгу.

Отважно сражались с врагами сыны Кавказа, сыны:

Сванетии и Кахетии,

Абхазии и Аджарии,

Черкесии и Балкарии,

Осетии, Хевсуретии, Имеретии,

Кабарды, Ингушетии, Дагестана,

Карабаха,

Адыгеи,

те, кто с равнин Апшерона и с берегов Севана.

И вот бои за Кавказ. Сражаются горцы, а рядом с ними в общем ряду другие: те, что с полей России, те, что с вершин Памира, с Украины и Белоруссии, из Прибалтики и Молдавии, из Татарии и Башкирии, из Чувашии, из Мордовии, из Бурятии, из Хакасии, с низовьев Лены, с верховьев Бии, – люди ста языков, ста меридианов и ста ветров.

Дружно бьют фашистов советские воины. По-богатырски бьют!

Почетное место

На Военно-Сухумской дороге идут бои. Двигутся фашисты горными перевалами.
– К перевалам! Вперед – к перевалам!

Идут волшебной они дорогой. Там, впереди, царство красот – Домбай.

Дошли фашисты до горной поляны Ганичхир. Здесь развилка дорог. К двум разным перевалам идут дороги. Налево – Клухорский, направо – Марухский. Хочешь – иди к Марухскому, хочешь – ступай к Клухорскому.

Фашисты хотят и туда и сюда.

Разбился отряд на два подотряда. Группа – налево, группа – направо. Продолжают фашисты путь.

Ждут главные фашистские части, как там первый отряд прошел. Не приходит ответа от первого.

Новый к Ганичхирской поляне спешит отряд.

Появились фашисты на горной поляне. Здесь две дороги. Налево, направо. К двум разным перевалам идут пути. Желаете – сверните к Клухорскому, желаете – иди к Марухскому.

Желают и туда и сюда фашисты.

Разбился отряд на два подотряда. Группа пошла налево, группа пошла направо. Продолжают фашисты путь.

Ждут там, внизу, от отряда сообщений. Не отвечает второй отряд.

Новые силы идут к Ганичхиру. Вышли к поляне. Видят: дорога идет направо, видят, дорога идет налево.

Смотрят налево – а там партизаны. Смотрят направо – и тут партизаны.

Партизанские здесь засады.

– Партизаны! Партизаны! – кричат фашисты.

Вступили фашисты в бой. Однако засады на то и засады – получили сполна фашисты.

Побежали назад захватчики.

Лишь собрав новые силы, пробившись все они к Ганичхиру. Прошли по лесам, по скалам. Сообщили: уничтожены партизаны.

Дошли наконец до красот, до Домбая. Вот турбаза, вот горный лес.

Смотрят налево, смотрят направо. И вдруг!.. И там засада, и здесь засада. И здесь партизаны, и там партизаны.

– Партизаны! – кричат фашисты.

Вступили фашисты в бой. Однако засады на то и засады – плачевен конец отряда.

Немалый здесь, в Домбае, на Ганичхире, на подходах к Клухорскому и Марухскому перевалам, нанесли партизаны урон фашистам. Действовал в этих местах партизанский отряд из города Карачаевска. Отряд назывался «Мститель».

Посылали фашисты сюда всё новые и новые пополнения. Пробились все же враги и к Клухорскому, и к Марухскому перевалу. Даже стали к югу спускаться, вниз. Не ушли далеко фашисты. Ни там, на Марухском, ни здесь, на Клухорском. Встретили грозно врагов перевалы. Разбиты фашисты. Уничтожены. Остались навечно лежать в горах.

Лежат на Клухорском, лежат на Марухском. Все же не так обидно. Не где-то в долинах, не где-то в низинах. Лежат высоко в горах.

Лист осенний

Гитлеровскими войсками, наступавшими на Кавказ, командовал фашистский генерал-фельдмаршал Лист.

Кончилось лето. Приблизилась осень. Не достигли фашисты намеченных целей.

Клялись фашисты взять Грозный, вступить в Баку.

Застряли фашисты.

По-прежнему грозно высится Грозный. За горами, за долами лежит Баку.

Дали фашисты слово прорваться к Сочи, к Сухуми, к Потю, к Батуми.

Застряли фашисты. Споткнулись у моря. Как до Луны, далеко до Сочи.

Кричали фашисты, что горы осияют, возьмут Тбилиси. И все Закавказье тоже.

Застряли фашисты. Не прорвались через Кавказские перевалы. Все так же в мечтах Тбилиси. И все Закавказье тоже.

Сорвались фашистские планы. Заслонили советские люди грудью своей Кавказ.

Разгневан Гитлер провалом Листа.

Мчит из Берлина курьер в Россию. Срочный приказ в кармане:

«Снять Листа!»

«Снять Листа!!»

«Снять Листа!!!»

Смещен, впал в немилость фельдмаршал Лист. Узнали наши солдаты о грозном приказе Гитлера. Осень начиналась как раз на дворе.

Смеются солдаты.

Назвали генерал-фельдмаршала Листа: «Лист осенний».

Советским осенним военным ветром сорван фельдмаршал Лист.

Горегляд

Погнали с Кавказа наши войска захватчиков.

Прибыл в один из артиллерийских расчетов после ранения новенький. Наводчик. Сержант. Горегляд – фамилия.

Узнал фамилию новенького командир орудия – вздохнул тяжело.

Узнал фамилию командир батареи – покачал головой.

Другие, кто был в расчете, посмотрели на прибывшего трижды косо. Куда же в артиллерию с такой-то фамилией. Горе-гляд! Можно представить, какой из него наводчик. Понимают бойцы в расчете: не жди отныне в бою удачи.

А удача очень была нужна. Начинался разгром фашистов. Тут, при начале, артиллерии первое слово. От нее, от ее удач, другие пойдут удачи. Разобьют артиллеристы, разрушат укрепления неприятеля, подавят мощью своей врага – легче танкам пойти вперед, легче подняться на штурм пехоте.

1 января 1943 года наступление началось. Один из главных ударов советские войска наносили на город Моздок.

Сюда, под Моздок, и прибыли артиллеристы. Заняли солдаты и пушки свои места. Стал Горегляд к прицелу.

Загрохотали, взорвали криком округу пушки.

Вбросил заряжающий в ствол снаряд. Впился глазами в прицел наводчик.

Наводит. Наводит. Наводит. Выстрел!

Вбросил заряжающий в ствол снаряд. Снова впился глазами в прицел наводчик.

Наводит. Наводит. Наводит. Выстрел!

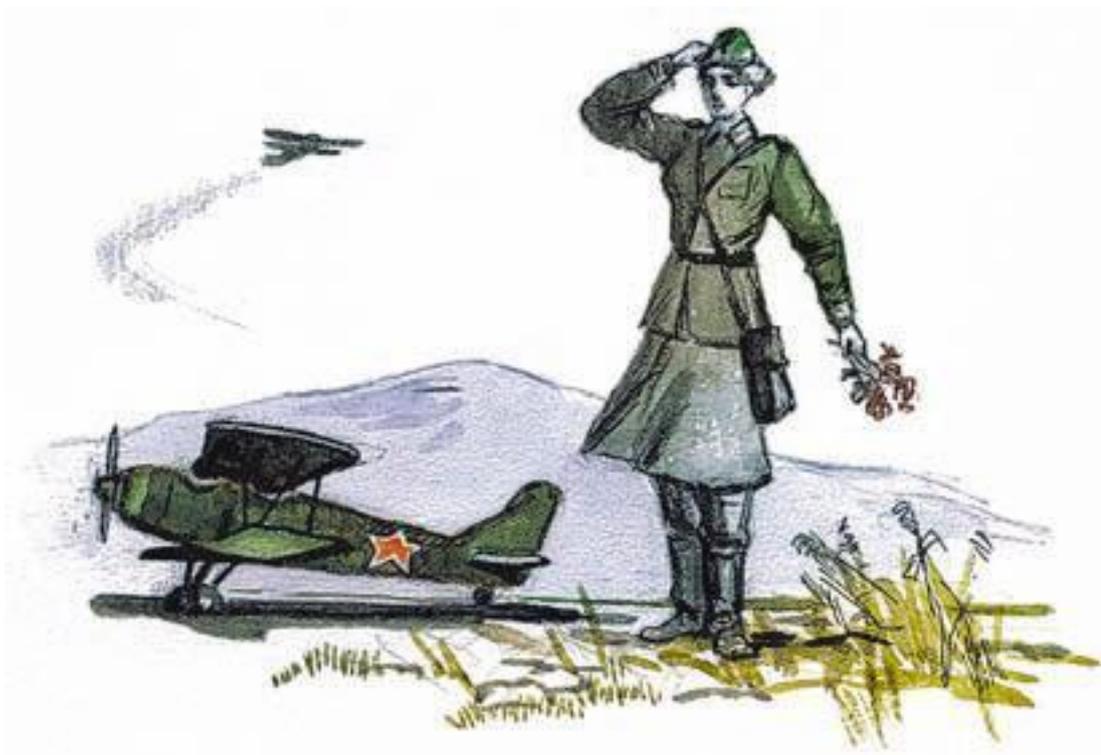
Три дня гремело кругом сражение. Три дня громыхали по фронту пушки.

Не устояли фашисты. Ворвались наши войска в Моздок. Ворвались, дальше пошли на запад.

После прорыва поздравляли солдат с победой. Отмечали и артиллеристов.
– Ну, кто там из лучших?
Лучшей из лучших оказалась батарея, в которой сражался сержант Горегляд.
Получали бойцы награды.
Получает медаль Горегляд.
Шепот идет вдоль строя:
– Наша фамилия – артиллерийская. Горе-гляд! На горе фашистам такая фамилия.
Получают награды воины. Звучат и звучат фамилии. Простые и сложные. Веселые. Грустные. Забавные. Строгие. Разных народов и разных наций. Звучат и звучат фамилии. На горе фашистам, на страх врагам!

Сто красавиц

Гимнастерка. Сапожки. Юбочка. Из-под пилотки волосы на пробор. Это Марина Чечнева.

В рядах нашей армии на Северном Кавказе сражался женский авиационный полк. Это был полк легких ночных бомбардировщиков. Летали девушки на самолетах По-2.

Досаждали По-2 фашистам. Самолет маленький, верткий. И истребитель не сразу в небе его найдет, и в ночной темноте зенитка не сразу в прицел возьмет.

Из фанеры и из легкой авиационной материи – перкали – сделан По-2. «Рус фанер» – называли его фашисты. Есть поговорка: «Мал золотник, да дорог». Это, наверно, как раз про По-2 поговорка.

В боях на Тереке, на Кубани, особенно прославился женский полк.

Вот только один пример. Было это во время боев у Моздока. Советские летчики получили задание разбомбить фашистскую переправу через реку Терек. Важной была переправа. Охраняли надежно ее фашисты. Возле переправы зенитки, словно гвозди, кругом натыканы. Не раз летали бомбить переправу наши дневные бомбардировщики. Встречали фашисты их ураганным огнем. Бомбить приходилось с больших высот. Мимо цели ложились бомбы.

Тогда разрушить переправу поручили женскому ночному полку. На боевое задание полетели Марина Чечнева и штурман Ольга Ключева. Ночь. Темнота.

Подлетели девушки к Тереку. Хоть и ночь, хоть и темнота, однако определили фашистские зенитчики над Терекком самолет. Рванулись снаряды в небо. Бросает Чечнева свой По-2 то выше, то ниже, то вправо, то влево – сбивает прицел у фашистских пушек. Вырвались летчицы из огня. Ушли за Терек куда-то дальше. «Значит, не к нам летели, не к переправам», – решили фашистские зенитчики.

Ушли летчицы вдаль, за Терек. Набрали там высоту. Затем развернулись и тихо, приглушив мотор, стали возвращаться снова к реке, к неприятельской переправе. Не ожидали фаши-

сты, что самолет вернется. Проморгали. Недоглядели. Девушки неожиданно для них сбросили бомбы. И прямо в цель. Взлетела в воздух фашистская переправа.

Только теперь открыли огонь зенитчики. Да поздно. Далеко уже наш По-2.

– До новых встреч! – прокричали девушки.

Отважно сражались советские летчицы. По два, по три, иногда по пять боевых вылетов совершали за ночь. Доставалось от них фашистам. Как только не крестили фашисты советских летчиц:

«Ночные совы!»

«Ночные дьяволы!»

«Ночные ведьмы!»

Смеются девушки:

– Ладно! Пусть будет так.

Не раз отличались советские летчицы в бою с фашистами, многие Героями Советского Союза стали. Вот только некоторые из них: Марина Чечнева, Евгения Руднева, Наталия Меклин, Ольга Санфирова, Руфина Гашева, Магуба Сыртланова, Евгения Носаль, Надежда Попова, Полина Гельман, Мария Смирнова, Екатерина Рябова...

Сто красавиц. Сто невест. Сто отважных лихих сердец.

Два обеда

Сражался с фашистами на Кавказе летчик Вадим Фадеев. Рост у Фадеева семиэтажный. Огромная рыжая борода.

Была у Фадеева необычная справка. Значилось в ней: «Отпускать по две порции питания». Ниже стояла подпись: *«Генерал Красовский»*.

Поражались другие. Впервые справку такую видят. Смотрят на рост Фадеева – верная очень справка.

Такова у нее история. Принимал Вадим Фадеев участие в воздушном бою. Сбил неприятеля. Начал атаку наземных фашистских позиций. Но попал под сильный огонь вражеских зениток. Получил пробоины самолет. Пытался Фадеев «дотянуть» до своего аэродрома, до своих. Не хватило у самолета силы. Приземлился летчик на нейтральной полосе. Как раз между нашими и фашистскими окопами.

Открыли фашисты огонь по советскому истребителю, по нашему летчику. Чудом добежал Фадеев до советских траншей.

Влетел Фадеев в окоп. От огня укрылся. Но тут же подумал: «А как самолет? Добьют самолет фашисты».

Глянул Фадеев на бойцов. И те на него с удивлением смотрят. Все произошло так стремительно, так неожиданно. Не каждый ведь день случается, чтобы прямо с неба летчик вбежал в окоп.

Посмотрел на бойцов Фадеев, потянулся к одному, показал на винтовку:

– Дай-ка, друг, на минуту.

Протянул боец винтовку. Взял ее Фадеев. И вдруг!.. Секунда – и он на вершине окопа. Глаза горят. Борода развеивается. Полнеба занял семиэтажный рост.

– Вперед! – закричал Фадеев. Бросился по направлению к самолету.

Отошли бойцы от секундного оцепенения.

– Ура! – И устремились вперед за летчиком.

Увлеч Фадеев бойцов в атаку. Добежали они до самолета. А тут недалеко уже и фашистские окопы. Понимает Фадеев: впереди важная высота. А вдруг удача? Рванулся вперед. Бежит

Фадеев, за ним солдаты. Ворвались солдаты в фашистские окопы. Перебили фашистов. Перемахнули через окопы. Заняли важную высоту.

Высота была и важной и грозной. Долго не давалась она советским бойцам. А тут раз! – и высота наша.

Узнали высшие пехотные командиры о взятии высоты, о героизме летчика Фадеева. Доложили авиационным начальникам.

Награжден был Фадеев. А к награде получил и справку на два обеда. Сам генерал Красовский – командующий воздушной армией – ее подписал.

Отважно сражался с фашистами летчик Вадим Фадеев. Более двадцати самолетов противника сбил он в воздушных боях. Прошло немного времени, и он был удостоен звания Героя Советского Союза.

На день опоздала награда, звание. Погиб накануне в бою с врагами летчик Вадим Фадеев.

Двенадцать тополей

Шли упорные бои на Кубани. Как-то командир одного из полков посетил стрелковое отделение. Двенадцать бойцов в отделении. Застыли в строю солдаты. Стоят в ряд, один к одному. Представляются командиру:

- Рядовой Григорян.
- Рядовой Григорян.
- Рядовой Григорян.
- Рядовой Григорян.

«Что такое?» – поражается командир полка.

Продолжают доклад солдаты:

- Рядовой Григорян.
- Рядовой Григорян.
- Рядовой Григорян.

Не знает, как поступить командир полка, – шутят, что ли, над ним солдаты?

– Отставить, – сказал командир полка.

Семь бойцов представились. Пятеро стоят безымянными. Наклонился к командиру полка командир роты, показал на остальных, сказал тихо:

- Тоже все Григоряны.

Посмотрел теперь командир полка удивленно на командира роты: не шутит ли командир роты?

- Все Григоряны. Все двенадцать, – сказал командир роты.

Действительно, все двенадцать человек в отделении были Григорянами.

- Однофамильцы?
- Нет.

Двенадцать Григорянов, от старшего – Барсега Григоряна до младшего – Агаси Григоряна, были родственниками, членами одной семьи. Вместе ушли на фронт. Вместе они воевали, вместе защищали родной Кавказ.

Один из боев для отделения Григорянов был особенно тяжелым. Держали солдаты важный рубеж. И вдруг атака фашистских танков. Люди сошлись с металлом. Танки – с одной стороны, Григоряны – с другой. Лезли, лезли, разрывали воем округу танки. Без счета огонь бросали. Устояли в бою Григоряны. Удержали рубеж до прихода наших.

Тяжелой ценой достается победа. Не бывает войны без смерти. Не бывает без смерти боя. Шесть Григорянов в том страшном бою с фашистами выбыли из отделения.

Было двенадцать – стало шесть. Продолжали сражаться отважные воины. Гнали фашистов с Кавказа, с Кубани. Затем освобождали поля Украины. Солдатскую честь и фамильную честь донесли до твердынь Берлина.

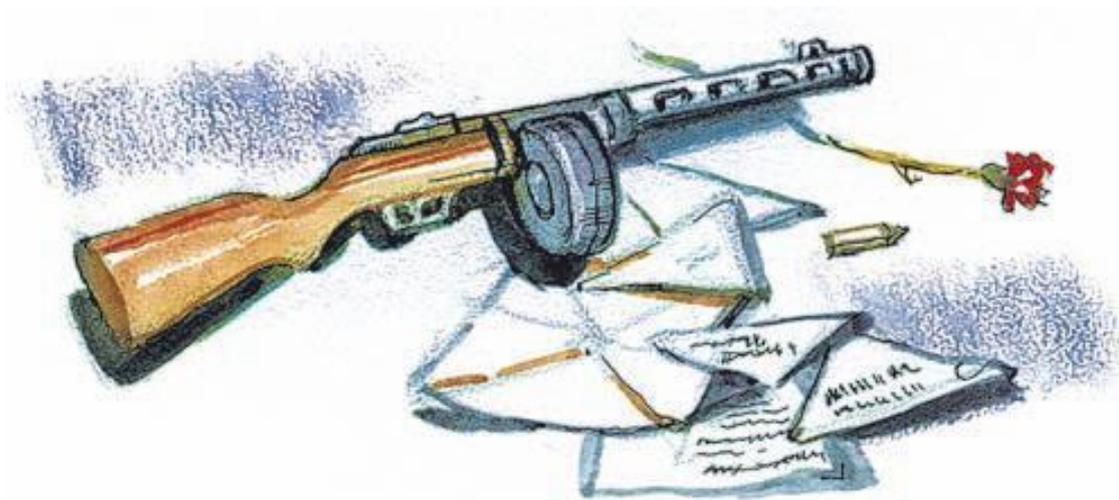
Не бывает войны без смерти. Не бывает без смерти боя. Трое погибли еще в боях. Жизнь двоим сократили пули. Лишь самый младший, Агаси Григорян, один невредимым вернулся с полей сражений.

В память об отважной семье, о воинах-героях в их родном городе посажены двенадцать тополей.

Разрослись ныне тополя. Из метровых саженцев гигантами стали. Стоят они в ряд, один к одному, словно бойцы в строю – целое отделение. Память вечная Григорянам!

Письмо

Вот бежит по краю поля с сумкой кожаной боец. Это почта полевая. Это он – ее гонец.

Пришло как-то в армию, сражавшуюся на Кубани, письмо из Ивановской области, из города Вичуга. Написала его молодая девушка, одна из работниц местной текстильной фабрики. Задало это письмо задачу. На конверте написано: «Самому смелому из бойцов». А в самом письме: «Хочу с вами переписываться». И тут же фотография приложена. Смотрит на вас красавица из красавиц.

Попало письмо в 40-ю отдельную мотострелковую бригаду, в 1-й батальон этой бригады, в 1-ю роту.

Переполошилась рота. Кому же удача такая выпадет? Кто же самый смелый у них боец? Попробуй здесь выбор сделать.

Пришло письмо как раз в те дни, когда погнали наши войска с кавказской земли фашистов. Освобождены были Нальчик, Ставрополь, Черкесск, Пятигорск, Армавир. Предстояло сражение за Краснодар. Город Краснодар – признанный центр Кубани.

Вот и решили бойцы: кто первым из них в Краснодар ворвется – тому и письмо, и почет, и слава.

Началось освобождение Краснодара. Их 40-я отдельная мотострелковая бригада вместе с другими частями 11 февраля 1943 года овладела станицей Старо-корсунской, затем Пашковской. Рванулись войска на штурм Краснодара. Целый день упорство врагов ломали. Сломали, ворвались в город.

Отличилась 1-я рота в боях. Смотрят бойцы: где же тот, кто в город ворвался первым? – Завьялов? Бердыев? Козлов? Терещенко? Возможно, другие?

Кто же в город ворвался первым? Все дружно сражались. Вместе ворвались. Кому же вручать письмо?

Гадают солдаты. Вдруг новый приказ для роты – атаковать, не стоять на месте, захватить городскую железнодорожную станцию.

Приказ есть приказ – снова в атаке, в бою солдаты.

– Ну что же, – решили солдаты, – кто ворвется первым на станцию, тот и письмом владеет. Захватили герои станцию. Кто же здесь первым оказался?

– Дуров? Шакуров? Сергеев? Пшадов?

Рядом стоят и другие.

Все были в первых. Кому же вручать письмо?

Вновь не решили тогда солдаты. Новый приказ получает и рота, и весь батальон, и вся бригада: штурмовать, не стоять на месте, овладеть главной улицей Краснодара – Красной.

– Улица Красная! Улица главная! Вот тут уж судьба рассудит.

Ворвались солдаты на улицу Пролетарскую, а затем и на главную – улицу Красную.

Где же ответ на солдатский вопрос?

«Все были в первых, все были в равных», – звучит ответ.

Кому же вручать письмо?!

Гадали солдаты, гадали. Решали, решали. Решили так: пусть общим будет письмо для роты.

Послали ответ они в город Вичуга. Написали: «Милая девушка, все тут у нас в героях. Выбирай хоть Петрова, выбирай хоть Козлова. *1-я рота. С красноармейским приветом*». И тут же одна за одной стояло сто подписей на листе бумаги.

Не осталось письмо без ответа. Сразу прибыло сто ответов. Сто разных лежат конвертов. На каждом конверте новой, иной рукою:

«1-я рота. Бойцу-герою».

«Ахтунг! Ахтунг!»

Летчик-истребитель капитан Александр Покрышкин находился в воздухе. Внизу, изгибаясь, бежит Адагум. Это приток Кубани. Новороссийск виден вдали налево. Справа осталась станция Крымская.

Впился летчик глазами в стекло кабины. Зорко следит за землей, за небом. Голову влево, голову вправо. Голову кверху, голову вниз. Поправил очки, шлемофон, наушники. Вновь повел головой по кругу. Снова – то вверх, то вниз.

В наушниках послышалось:

«Ахтунг! Ахтунг!» («Ахтунг» означает «внимание».)

Речь немецкая.

«Ахтунг! Ахтунг!»

Голос тревожный.

«Что такое? – подумал Покрышкин. – Что же случилось там у фашистов?»

Снова повел головой налево, повел направо. «Что же такое тревожное там у фашистов?»

И вдруг:

«Ахтунг! Ахтунг! Покрышкин в воздухе!»

Вот так «ахтунг!». Слышит Покрышкин: «Покрышкин в воздухе!» Услышали «ахтунг!» на других наших самолетах. Услышали фашистский «ахтунг!» и внизу, на нашем командном пункте.

Ясно нашим, почему раздается фашистский «ахтунг!». Ясно и фашистским летчикам, почему их предупреждают.

Двадцать самолетов врага сбил над Кубанью летчик Покрышкин. (А до этого – над Днепром, над Днестром, над Донбассом, над Доном – и еще двадцать.) Вчера лишь в одном бою над станцией Крымской уничтожил Покрышкин четыре неприятельских «мессершмитта». Четыре в одном бою!

«Ахтунг! Ахтунг! Покрышкин в воздухе!»

Начал войну Покрышкин в ее первый суровый час. В небе над Прутом, над нашей границей.

Здесь и сбил он в воздушном бою свой первый самолет противника.

Отсюда и начался путь Покрышкина. За первым сбит второй самолет врага. Вот третий. Вот сбито два самолета в одном бою. Вот сам подбит зенитным огнем противника.

Снова бои, победы.

Вот снова чуть не погиб. Правда, не в воздухе, на земле. Налетели фашисты на наш аэродром. Покрышкин попал под бомбы. Рядом ударили бомбы. Смерть?! Нет, жизнь! – не взорвались бомбы.

Снова полеты, бои, победы.

Снова смерть прорышала рядом. То чуть не погиб при взлете – остановился, заглох в самый важный момент мотор. То был подбит в воздушном бою зенитчиками. Снова на землю падал. Попал в окружение. Неделю шагал к своим.

Новый полет. Ударил пуля в воздушном бою в наушники. Один сантиметр от смерти.

А вот и вовсе нелепый случай. На Кавказе. На горной дороге. Ехал Покрышкин в кузове грузовика. Ветер вольный бежит навстречу. Виды краше один другого бегут навстречу. И вдруг на спуске, на повороте, сорвалась машина в пропасть. опередил на секунду Покрышкин падение машины. Выпрыгнул на ходу.

Снова полеты, полеты, бои, победы.

И снова нелепый случай. Летел Покрышкин пассажиром. Вдруг катастрофа. Самолет на кусочки. Покрышкин цел.

Снова полеты, полеты, полеты. Снова бои, победы.

Все больше их. Больше. Вот уже сбито сорок фашистских самолетов.

Бежит, нарастает счет: 41, 42, 43, 44, 45... 51, 52, 53, 54, 55...

«Ахтунг! Ахтунг! Покрышкин в воздухе!»

От первого до последнего дня войны сражался отважно с фашистами летчик.

59 самолетов врага сбил в воздушных боях летчик-истребитель Александр Иванович Покрышкин.

Стал он Героем Советского Союза.

Стал дважды Героем Советского Союза.

Стал трижды Героем Советского Союза.

Слава тебе, Александр Покрышкин, первый трижды Герой в стране!

Кобрик и Киттихаук

Некоторые наши авиационные соединения, сражавшиеся на Северном Кавказе и Кубани, имели самолеты английского производства. Англичане были нашими союзниками. Поставляли нам отдельные виды своего вооружения. В том числе и самолеты-истребители. Были они двух марок: «аэрокобра», или просто «кобра», и «киттихаук».

Пристала как-то к летчикам, летавшим на «кобрах» и «киттихауках», собачонка. Приютили ее авиаторы. Стали думать об имени.

- Барбос.
- Жучка.
- Бобик, – идут предложения.
- Не то, не то.

Кто-то вдруг произнес:

- Кобрик!

Посмотрели летчики на самолеты «аэрокобра»:

- Кобрик?

Понравилось летчикам имя Кобрик.

Прошло несколько дней. Как-то вернулись летчики из боевого полета, видят, поджидает их еще одна собачонка. Морда веселая. Хвост колечком.

- Много вас тут. Есть у нас уже Кобрик, – говорят ей летчики.

Однако не уходит собачонка. Уселась, смотрит на летчиков. Глаза озорные. Морда веселая. Хвост колечком.

Приютили и эту летчики. Стали думать, как же ее назвать. Кто-то сказал:

- Киттихаук.

Понравилось летчикам – Киттихаук. Звучит необычно, звонко.

Поселились Кобрик и Киттихаук на военном аэродроме. Стали общими любимцами летчиков.

Провожают дворняжки в полет героев. Встречают друзей с победой.

Возвращаются летчики:

- Здравствуй, Кобрик!

– Привет, Киттихаук!

То-то радость на летном поле.

Нелегкая жизнь у воздушных воинов. Тяжелые бои с фашистами шли на Северном Кавказе. Особенно упорные – на Кубани. По несколько боевых вылетов в день совершали военные летчики. Устают от полетов летчики. Сядут на землю. Валяются тут же на аэродроме, прямо у самолетов, с ног. Садятся рядом Кобрик и Киттихаук. Оберегают солдатский сон.

Наступали наши войска. Гнали с кубанской земли фашистов. Перемещались на запад, на новые аэродромы и авиационные соединения.

Взяли летчики Кобрика и Киттихаука к себе в боевые кабины. Поднялись в небо. Когда же совершили посадку на новом месте, случилось вдруг неожиданное.

Выскочил Кобрик из самолета. Глаза злющие-злющие. Зубы оскалил. Пытались летчики его приласкать. Рывкнул Кобрик и стрелой от людей помчался.

– Кобрик! Кобрик! – кричат летчики.

– Ко-о-брик!

Не вернулся Кобрик назад. Не перенес он, видимо, перелета. Не родился, видимо, для полетов. Умчался Кобрик. А Киттихаук остался. Был он по-прежнему общим любимцем.

Провожал он в полеты летчиков. Встречал из полетов летчиков.

Сидит Киттихаук. Смотрит в бездонное небо. Морда веселая. Хвост колечком.

Основной и демонстративный

Приближался час изгнания фашистов из Новороссийска. В освобождении Новороссийска, а затем и всего Таманского полуострова огромную роль сыграла Малая земля.

В феврале 1943 года сюда, на Малую землю, был высажен морской десант. Командовал смельчаками майор Цезарь Куников.

Не называлась тогда Малая земля Малой землей. Это за ней потом такое название укрепилось. Да и вообще поначалу основной десант должен был высадиться в другом месте. В тридцати километрах от Новороссийска, в районе Южная Озерейка. Туда и ушли главные силы. Задача же у майора Куникова была более скромная. Он получил приказ выйти на неприятельский берег рядом с Новороссийском, прямо у южной окраины города, у предместья Станичка. Десант назывался демонстративным. Его цель: отвлечь внимание фашистов, продемонстрировать, что якобы именно здесь, а не у Южной Озерейки наносится главный удар.

Однако на войне бывает всякое. Такое «всякое» произошло и здесь. Не смог закрепиться основной десант у Южной Озерейки. Не подошли вовремя нужные силы. К тому же на море началась непогода.

А майор Куников у Станички не только успешно высадился, но и сразу же захватил небольшой плацдарм. Тогда-то и бросили на этот участок главные силы. Десант в этом месте из демонстративного стал основным.

Вскоре плацдарм расширился. Протянулся он по линии фронта в длину на шесть километров. А самая дальняя точка от моря уходила в глубину на четыре с половиной. Так образовалась территория, которая и стала называться Малой землей.

В отряде майора Куникова было вначале всего 250 человек. Когда решено было высадить у Станички десант, Куников получил редкое для командира право самому, по своему выбору, отобрать бойцов в отряд. Набирались они из морских пехотинцев.

Многие стремились попасть в отряд Куникова. Однако некоторые побаивались: не возьмет. Куников был добрым, внимательным и отзывчивым командиром, но внешне выглядел порой очень суровым.

Морские пехотинцы народ зоркий, наблюдательный. Разобрались они вскоре, что это только внешне, и то лишь порою, Куников кажется таким недоступным. Вот и стали некоторые из них, перед тем как идти к майору Куникову с просьбой зачислить их в десант, определять, какой вид в эту минуту у Куникова – добрый или суровый. Применили они десантные выражения. Добрый вид майора Куникова стали называть основным, суровый – демонстративным.

Соберутся желающие попасть в десант, переговариваются:

– Какой сейчас вид у майора Куникова?

– Демонстративный.

– Лучше не ходить.

Переждут немного:

– Какой сейчас вид у майора Куникова?

– Основной.

– Что же, пошли, братва.

Подобрались в отряде Куникова герой к герою, богатырь к богатырю. Пробились они сквозь фашистский заслон и огонь, захватили плацдарм у Станички. Пробились, за ними пришли другие. Все они стали малоземельцами. Ко всем великая солдатская слава пришла.

Герой Советского Союза майор Цезарь Куников не дожил до великого дня Победы. Он вскоре погиб на Малой земле и похоронен в городе-герое Новороссийске.

Как пушки купались в море

Тяжело было высаживаться на Малую землю. И первым десантникам, и тем, кто приходил сюда позже. Бесновались фашисты. Дали клятву сбросить в море с Малой земли десант.

Сразу же после высадки первых отрядов в помощь малоземельцам был направлен артиллерийский дивизион. Три батареи в дивизионе. Задача артиллеристов по прибытии на Малую землю помогать десантникам отражать атаки фашистских танков.

Погрузили артиллеристы орудия на мотоботы. Двинулись мотоботы в опасный путь.

На одном из мотоботов – капитан Игнатченко. Капитан Игнатченко – командир артдивизиона. Молод капитан, всего 22 года. Ходит капитан по настилу, по палубе. Ясно: волнуется. Должен, обязан он довести пушки до Малой земли целыми, невредимыми.

Волнуется капитан: «Дойдут, не дойдут мотоботы до берега? Заметят фашисты их, не заметят? Дойдут, не дойдут невредимыми мотоботы?»

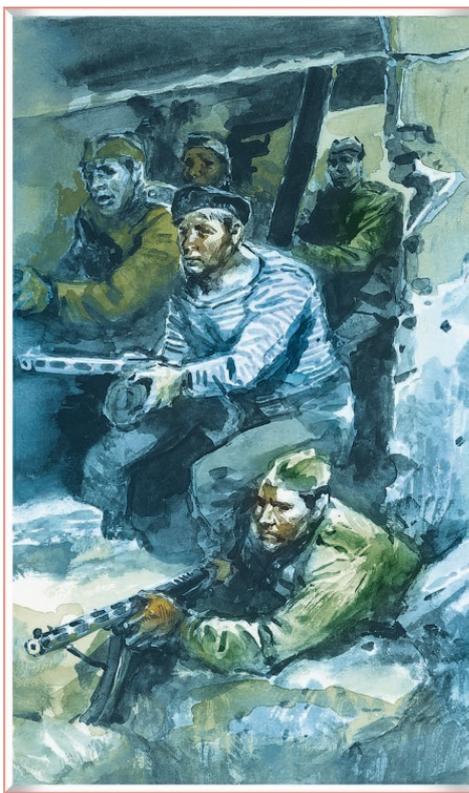
Казалось, дойдут. Казалось, не заметят фашисты наших. До берега было уже совсем недалеко. Успокоился капитан. Но тут фашисты обнаружили подходящие суда. Открыли ураганный огонь. Стреляют орудия, бьют минометы. Точно стреляли фашисты. На мотоботах начался пожар. Стали суда тонуть.

– Артиллеристы! – командует капитан Игнатченко. – Подготовить орудия к выгрузке.

Какая же тут выгрузка – до берега еще метров сорок, а то и все пятьдесят.

Горят мотоботы, погружаются в воду. Погружаются и все-таки медленно продвигаются вперед. Ближе всё, ближе. И все же не дотянули они метров тридцать до суши.

Погибли, ушли в морскую пучину пушки.

А артиллеристы высадились и тут же вместе с другими бросились в атаку на фашистов.
– Э-эх, погибли пушки! – сокрушались тогда солдаты на берегу.
– Уничтожены русские пушки, – доложили фашистские наблюдатели своим командирам.
Было это ночью. Во время высадки. А утром... Смотрят наши. Смотрят со своих наблюдательных постов фашисты. Целы, невредимы, на суше пушки.

– Чудом каким?
– Откуда?

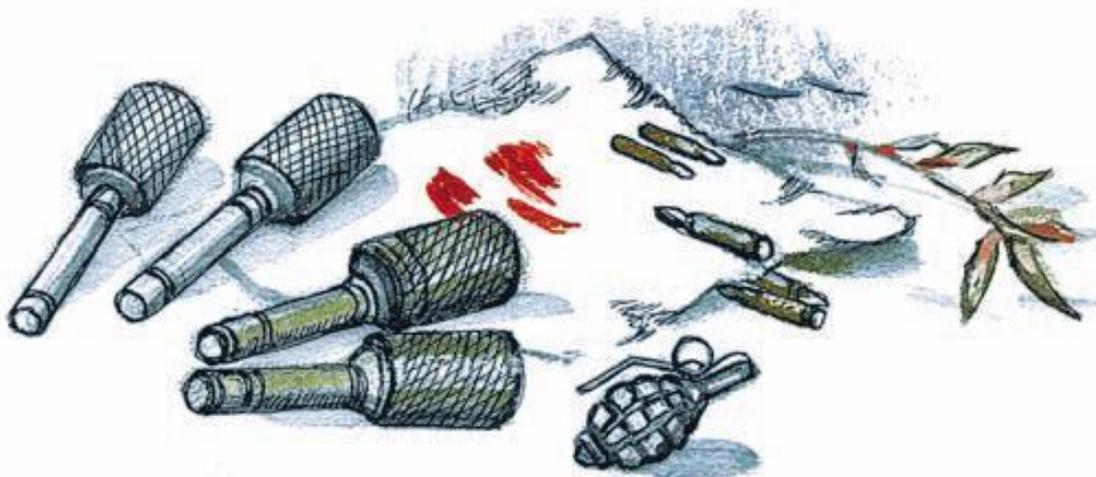
Оказывается, по приказу капитана Игнатченко, еще там, на мотоботах, привязали артиллеристы к орудиям шпагаты, а к шпагатным концам прикрепили поплавки. Затонули орудия, а поплавки остались на воде. По этим поплавкам и определили десантники, где находятся пушки. Общим трудом затем и вытащили их на берег.

Отлично работали пушки! Не пропустили на Малую землю фашистские танки.
Вспоминают солдаты, как пушки купались в море. Шутят солдаты:

– Ванну приняли перед боем!

Подвиг Корницкого

Помнят друзья этот миг. Помнят друзья этот взрыв. Светлая память Михаилу Корницкому!

На Малой земле, в районе Станички, фашисты окружили группу советских десантников. Укрылись наши солдаты в здании школы. В этой группе и был младший сержант Михаил Корницкий.

Начался бой с врагами. Стоит одиноко, как остров, школа. Фашисты со всех сторон.

Шла перестрелка.

Друг с другом спорили автоматы.

Летели гранаты.

Ясно фашистам: крепостью стала школа. Подтащили фашисты сюда орудие. Послали снаряды в школу.

Пробили снаряды стены. Пожар загулял по зданию. Все выше, все выше устремляются стрелы пламени. Искры каскадом сыплются.

Полыхает школа. Однако продолжается бой с фашистами.

Во время боя Михаил Корницкий был ранен осколком снаряда. Рана оказалась тяжелой. Перевязали друзья Корницкого. Опустили осторожно на пол. Пилотку под голову положили. Теряет десантник силы. Перестал быть бойцом боец.

Лежит Корницкий и думает: «Вот бы снова с друзьями вместе. Вот бы снова разить врагов».

Продолжается бой с фашистами. Все сильнее перепляс пожара. Торжествует победу над домом пламя.

Понимают солдаты: в одном спасение – надо покинуть дом. Да как здесь покинешь: Корницкий ранен. К тому же крутом засады. Если выйдешь из здания школы, значит, смерть или верный плен.

– Рус, сдавайся! – кричат фашисты.

Не покинули десантники школу. Решили: лучше погибнуть в огне, чем перед силой врагов склониться.

Наступили последние минуты боя.

Вдруг... Лежал Корницкий на полу. Никто не заметил, как он поднялся. Никто не заметил, как обвязал себя гранатами. Приготовил гранаты к взрыву.

– Прощайте, товарищи! – крикнул друзьям Корницкий.

Повернулись бойцы на голос. Видят: мелькнула спина Корницкого. Пригибаясь, выбежал он из здания. Рядом находилась каменная стена-ограда. За ней и укрылась главная из фашистских засад.

Секунда. Вторая. Вот у стены Корницкий.

– Миша! Миша! – кричат бойцы.

– Да здравствует Родина! – прокричал Корницкий.

Откуда только взялась сила у воина! Снова – боец Корницкий! Перемахнул через стену младший сержант Корницкий, прыгнул на головы фашистов.

Рванули гранаты. Стена разбита. Конец засаде.

Устремились десантники из горящего дома в проем стены. Пробили кольцо фашистов.

Не забудется этот миг. Не забудется этот взрыв. Вечная память Михаилу Корницкому!

Указом Президиума Верховного Совета СССР Михаилу Корницкому посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Сборная флота

В отделении старшины Николая Романова было ровно одиннадцать человек. Все – морские пехотинцы. Все молодые. Отважные. Сильные. Все черноморцы. Правда, из разных мест. Кто из Севастополя, кто из Одессы, из Керчи, Туапсе, Феодосии, Новороссийска. Задал Романов вопрос: с каких кораблей десантники? Пошли голоса:

- С крейсера.
- С эсминца.
- С тральщика.
- Еще один с тральщика.
- Подводник.
- С линкора.
- С лидера.
- С буксира.
- С канонерской лодки.
- С торпедного катера.

И даже один рябоватый матрос оказался каким-то хозяйственным чином из флотской портовой прачечной.

Посмотрел старшина на морских пехотинцев. Еще раз сосчитал отделение. Ровно одиннадцать человек. Вспомнил Романов игру в футбол.

– Сборная флота! – с усмешкой сказал Романов. Когда наши высаживались на Малую землю у Станички, отделение старшины Романова сошло на берег одним из первых.

Встретил берег бойцов огнем.

Высадились десантники вблизи рыбзавода. Недалеко от этих мест проходила железнодорожная насыпь. Рядом с насыпью сильная огневая позиция врага.

Бьет пушка. Строчат пулеметы.

Залегли краснофлотцы.

Ночь. Пока темно. Не скоро наступит рассвет. Окажутся десантники перед фашистами как на ладошке.

Выход один – немедленно фашистов атаковать.

Разбил старшина Романов отделение на три части. Одну из них в составе трех человек оставил лежать у насыпи. Двоих выдвинул вперед. Задача и тех и других огнем отвлекать фашистов. Остальным приказал ползти за собой. Двинулась группа к вражеским позициям.

Перешептываются десантники:

– Есть и защитники, есть и форварды.

Подобрались поближе к врагам черноморцы. Гранаты в руки.

– Ура! Вперед!

Перебили в бою моряки противников. Захватили трофеи: два пулемета и пушку.

Собрались вместе. Сосчитал бойцов Романов – ровно одиннадцать. Смотрит Романов на пушку, на два пулемета.

– Неплохо, неплохо... Выходит – 3:0.

– Так ведь сборная флота! – в ответ десантники.

И дальше отважно сражались умелые воины. Часто звучала в те дни команда:

– Сборная флота, стройся!

Старички

Рвался Федор Проскурин на Малую землю. Мечтал о подвигах. Попал. Явился во взвод, а во взводе одни старички. «Вот те и раз, не туда прибыл! – сокрушался Проскурин. – Эту команду на дело опасное не пошлют. Тут не видать геройства».

Взвод оказался саперным. Понимает Проскурин: значит, не автомат или противотанковое ружье будет у тебя в руках, а лом, топор, кирка или лопата. Прикидывает: предстоит рыть окопы, строить блиндажи и разные укрепления, ворочать, конечно, долбить здесь, на Малой земле, твердую, словно бетон, землю.

– Ничего себе дела-а... – поморщился Федор Проскурин.

Только попал он в саперный взвод, как тут же пришла команда садиться на катера.

Погрузился он со своими старичками на катера. Ужаснулся:

– И вовсе с Малой земли снимают!

Привезли их морем под Геленджик. Оказывается, тут, недалеко от города, старички рубили лес. Малая земля пустынна-пустынна. Не то что бревна – сучок здесь найдешь с трудом. А для строительства блиндажей и разных укреплений нужен, конечно, лес. Старички и занимались доставкой леса на Малую землю. Вот в какой взвод угодил Проскурин.

Срубленные деревья вязались в плоты. Затем к плотам подгонялись буксиры. Все перевозки на Малую землю производились только ночами. Вот и сейчас. Пыхтит буксир: нелегко тащить ему неудобный, громоздкий груз. Расселись на плоту старички. Хоть и не такая уж длинная дорога к своим на Малую землю, да долгая. Сидит со всеми и Федор Проскурин.

– Ну и попал, ну и попал! Вернись после победы домой – засмеют за такую войну на селе девчата!

Думал Федор Проскурин, что дойдут они до Малой земли спокойно. Если их даже заметят фашисты, то вряд ли будут тратить на лес, на бревна снаряды и бомбы. Однако фашисты старались ничего не пропустить на Малую землю. Позиции у фашистов удобные – на горах. Все подходы к Малой земле просматриваются. Каждый метр пристрелян. Хоть и ночь, да ночи здесь немногим темнее дня. То и дело взлетают осветительные ракеты. Рыщут по морю вражеские прожекторы. Ударяют кругом снаряды, разрываются бомбы. И они освещают море.

Заметили фашисты идущий буксир. Открыли огонь по плоту, по буксиру, по людям.

Старички – народ опытный, раз – и сразу же с бревен в воду. А Федор сидит на плоту. Вот-вот и скосит бойца осколок.

– В воду, в воду прыгай! – кричат старички.

Спрыгнул он в воду, ухватился руками, как все, за бревна. Лишь голова над водой, как поплавок, торчит.

Рвутся кругом снаряды. Ухнул правее, ухнул левее. А вот и еще один. Ударил, и надо же – в центр плота. Вздыбил он бревна, разбросал по морю в разные стороны. Бревно, за которое держался Федор Проскурин, стало вообще на попа, даже над водой подпрыгнуло, а затем, падая снова в море, чуть не пришибло собой солдата.

Увернулся боец от удара. Черным словом ругнулся. Вновь за бревно схватился. Слышит: что-то кричат старички. Прислушался:

– Пospешай, пospешай!

Видит, стараются старички снова собрать бревна все вместе, стремятся опять увязать их в плот. Подтолкнул и Проскурин свое бревно. Стал помогать старичкам собирать другие. Нелегко им тогда досталось. Но вот снова надежен плот.

Тронулся снова буксир вперед. Только тронулся, только перевели солдаты солдатский дух, как вдруг слышит Проскурин: в небе гудит самолет. По гулу понятно: не наш, фашистский. Подлетел самолет к плоту, к буксиру. Посыпались с неба бомбы. Не увернуться от них буксиру. Неповоротлив с плотом, тудяга. Добился удачи фашистский коршун. Разбил, потопил буксир. Остался плот как островок на море.

– Конец, – понимает Федор Проскурин. – Еще один самолет – и безвестная смерть на морском просторе.

Обидно солдату погибать не геройской смертью.

– Э-эх, что же в родном селе про такой-то дурацкий конец девчата и бабы скажут!

Однако все обошлось удачно. Вскоре новый пришел буксир. Дотащил он плот до намеченной цели.

Улыбаются старички. Потирают довольно руки:

– Это еще ничего. Это туда-сюда. Хуже порой бывает.

«Нептун»

Нептун – мифический бог, повелитель морского царства.

Не раз пытались фашисты покончить с Малой землей, уничтожить плацдарм у Станички. 17 апреля 1943 года обрушились с особой силой.

Свою новую операцию фашисты назвали «Нептун».

Лавина огня и стали обрушилась на малоземельцев. Начала штурм тяжелая артиллерия. Били снаряды, били, кромсали, кромсали землю. Еще не окончили бить снаряды – появились в воздухе бомбардировщики. Бомбили, бомбили бомбардировщики, крушили, крушили землю. Еще не отбросались бомбардировщики – появились грозные штурмовики. Пикировали, пикировали штурмовики, терзали, рвали, рвали на части землю. Еще не покинули небо штурмовики – устремились на малоземельцев танки. Ревели, ревели танки. Грудью своей железной мяли Малую землю, мяли.

Отстрелялись, отбомбились, отштурмовались фашисты:

– Ну, как там?

Не дрогнули малоземельцы.

– Ах так?!

Заработали вновь орудия. Загудели в воздухе бомбардировщики. Штурмовики стаяй закрыли небо. Вновь заревели танки. Вновь застонала земля от боли. От ожогов кричали камни.

Отстрелялись, отбомбились, отштурмовались фашисты:

– Ну, как там?

Не дрогнули малоземельцы.

Весь день не смолкал огонь. Кровавый смерч над Малой землей свирепствовал.

Начался новый день.

Вновь все сначала, сначала, сначала... Вновь полыхал огонь, вновь громыхал металл, дробилось на части небо.

Начался третий день.

Штурмуют, штурмуют, штурмуют плацдарм фашисты. Смерть ошалело повсюду пляшет.

Восемь дней и ночей бушевал «Нептун». Восемь дней и ночей фашистский безжалостный ураган над Малой землей носился.

Не дрогнули, устояли малоземельцы.

Прекратили фашисты штурм, надорвался, утих «Нептун».

Смеются солдаты:

– Не выдержал суши!

– Не выдержал боя!

– В подводное царство к себе убрался!

Подарок

Шалва Татарашвили и Петр Верещагин – друзья-приятели. Особенно здесь, на Малой земле, сдружились. Вместе сражались. Вместе окопы, траншеи рыли. Вместе в разведку к врагам ходили.

Случалось, не пробьются к Малой земле катера с продуктами – последнюю корку на равных ели.

Случалось, с пресной водой перебои – последний глоток пополам делили.

Не бывало, случалось, соли – друг другу тянут ее крупицу.

В атаках и стычках с фашистами старались быть непременно рядом. Друг друга в бою страхуют.

И вот узнаёт Верещагин, что приближается у Татарашвили день рождения. Исполнится другу двадцать три года. Забеспокоился Петр Верещагин: «Что бы придумать? Что бы придумать? Какой бы ему подарок сделать?!»

Какой здесь, на Малой земле, подарок?!

И вот наступил день рождения. Проснулись оба – Петр Верещагин и Шалва Татарашвили.

– Поздравляю! – сказал Верещагин.

– Спасибо, – сказал Татарашвили.

– День рожденья? – уточнил Верещагин.

– День рожденья, – сказал Татарашвили.

– Двадцать три года?

– Двадцать три года.

– Поздравляю, поздравляю! Бери, получай подарок.

Поразился Шалва Татарашвили: здесь, на Малой земле, подарок!

– Получай! – повторил Верещагин.

Снял он с плеча автомат. Снял с автомата патронный диск. Вынул один патрон:

– Принимай.

Вынул второй:

– Принимай.

Отсчитал Петр Верещагин двадцать три патрона – ровно столько, сколько исполнилось лет Шалве Татарашвили. И снова поздравил друга.

Смотрит Шалва Татарашвили на патроны. Это ж богатство целое!

Ценились боеприпасы на Малой земле: трудно их сюда под фашистским огнем доставить. Нет патронам цены. Нечем цену измерить.

Стоит растерянный Шалва Татарашвили. Держит в руках патроны.

– Спасибо, браток, спасибо!

Бесценный, конечно, патроны подарок. Да внимание друга вдвойне бесценно.

Радостным выдался день рождения.

«Берегись Бартова!»

Сержант Бартов числился мастером по вооружению. Редким он был умельцем: из ничего, из железного прута ружье сделает.

Чинил Бартов винтовки, автоматы, пулеметы, противотанковые ружья, пистолеты, трофейное оружие разных систем. Все неисправное несли Бартову. На Малой земле он старожил – куниковец, с первым отрядом прибыл.

Оберегали Бартова командиры. Погибнет такой мастер – не скоро найдешь замену.

Однако сержант Бартов все время рвался поближе к боям, на передовую.

Отроют солдаты под самым носом у фашистов окопы, возведут блиндажи. И Бартов тут же сразу пристроится. Отроет рядом индивидуальную ячейку.

Окопчик Бартова и есть его мастерская. Сюда и приносят к нему требующее ремонта оружие.

Гонят командиры его подальше от переднего края, грозят наказанием.

– Нельзя мне, нельзя, – говорит Бартов.

Знают другие, скажет сейчас Бартов: «Тут у меня испытательный полигон».

И верно.

– Тут у меня испытательный полигон, – говорит Бартов.

Бартов считает своей обязанностью не только отремонтировать винтовку, или пулемет, или противотанковое ружье, но и проверить его в деле, в бою.

Отремонтировал автомат.

Проверил.

Отремонтировал пулемет.

Проверил.

Отремонтировал противотанковое ружье.

На врагах проверил.

– ОТК! – смеются солдаты. – Отдел технического контроля.

Конечно, все понимают, что оружие можно проверить и в другом месте. Необязательно на передовой. Что Бартов хитрит, ищет повод быть поближе к бою.

Однако все понимают и то, что Бартов просто не может не бить фашистов. Что он настоящий боец.

Понимают это и командиры. Вот почему хотя и гонят они Бартова с передовой, хотя и грозят наказанием, однако в душе прощают.

Бартов не только испытывает в бою отремонтированное им оружие, но и ходит со всеми в атаку. Ходит даже в разведку за «языками».

Выставляет Бартов в таких случаях над своим окопчиком дощечку. На дощечке надпись: «Мастерская закрыта на перерыв».

Видят эту дощечку и фашисты. Появилась дощечка – берегись Бартова!

Сега с корабельной

Имя его Сергей. Фамилия Довбненко. Однако никто не называл краснофлотца по имени и фамилии. Пристало к нему: «Сега с Корабельной».

Был он из Севастополя. Есть в Севастополе Корабельная сторона. Там и родился и вырос Сега. Сега он потому, что не выговаривал в детстве имя Сергей. «Сега» скажет, а дальше не может. Так и остался Сегой.

Был он лихим разведчиком. Попав на Малую землю, тоже ходил в разведку.

Ходил в разведку всегда один.

– Так надежнее, – говорил Сега.

Действительно, здесь, на Малой земле, было очень трудно незаметно пробраться в расположение неприятеля целой группой.

Удачлив Сега. Привыкли и командиры, и бойцы: если Сергей Довбненко ушел в разведку, значит, жди – непременно назад с «языком» вернется.

И вот отправился снова к врагам разведчик.

Перебрался боец незаметно на неприятельскую сторону. Сделал засаду. Высмотрел на территории у фашистов офицерский блиндаж. Тихо к нему прокрался. Тихо снял фашистского часового. Был часовым в плащ-палатке. Накинул Сега на себя фашистскую плащ-палатку. Сунул бескозырку за рубаху. Надел на голову фуражку немецкого часового.

Стоит советский моряк на часах у фашистского блиндажа. Ждет, когда кто-нибудь из господ офицеров из укрытия покажется.

Дождался разведчик. Вскоре вышел из блиндажа офицер. Глянул на часового.

Замер Сега. Момент опасный. Вдруг задаст офицер какой-нибудь вопрос. Знал Довбненко по-немецки всего несколько слов – «мутер», «фатер» и «хенде хох!».

Везучий Сега. Не спросил ничего офицер. Кивнул головой часовому, повернулся к нему спиной, пошел по тропинке от блиндажа.

Советский разведчик только и ждал этого момента. Ударил он сзади сильно по голове фашистского офицера, быстро засунул в рот ему кляп. Поташил пленного к нашим позициям.

Удачлив Сега. Да тут неудача. Подвернулась ступня в темноте на камне. Хоть прыгай теперь на одной ноге.

Однако Сега на то и Сега. Находчив лихой солдат. Недолго думал. Нагнулся он над фашистским офицером:

– Жив? А ну приходи в себя.

Взобрался Сега на спину фашисту. Пригрозил автоматом, заставил ползти вперед.

Так и прибыл разведчик Сергей Довбненко к нашим верхом на фашистском офицере.

Признали солдаты Сегу. Смотрят, смеются:

– Жокей!

– Буденовец!

Когда к награде его представляли, в штабе смеялись тоже:

– Ну и Сега!

– Верхом на офицере!

– Ну и Сега с Корабельной!

Не кончились на этом приключения Сеги с Корабельной. Как Сергей Корабельный был указан он в наградном листе. Так записал по ошибке писарь. Решил, что Корабельный – его фамилия. Чуть не лишился боец награды.

Доказывал долго лихой разведчик:

– Не Корабельный я вовсе! Нет! Довбненко моя фамилия. Довбненко!

Госпитальная

Жизнь на Малой земле уходила все глубже в окопы, в траншеи, в щели, все глубже в землю и даже под землю: в блиндажи, под разные укрытия и перекрытия, в штольни, в гроты, под скалы и в скалы. Малая земля превращалась в своеобразный город-крепость. Даже улицы появились. Даже звучат названия: Пехотная, Матросская, Саперная, Далекая, Госпитальная. Часто услышишь теперь слова:

- Братишки, привет с Пехотной!
- Хлопцы, поклон с Матросской!
- Я пошел на Саперную.
- Я поплыл (в смысле – пошел) на Далекую.

Однако не услышишь, чтобы кто-нибудь сказал:

- Я пошел на Госпитальную.

Или:

- Привет с Госпитальной.

Нет желающих идти на Госпитальную, нет желающих передавать оттуда привет.

Почему?

Слава о малоземельцах росла. Все чаще стали сюда приезжать корреспонденты разных газет. Вот снова приехал корреспондент. Молодой, красивый. Оказался он дельным, быстрым, во всем дотошным. Со многими повидался, со многими поговорил. Замучил вопросами пехотинцев. Замучил вопросами артиллеристов. Терзал командиров. Беседовал с политработниками. Со старичками саперами побеседовал. Побывал на улице Пехотной, на Матросской, на Саперной и даже на Далекой. Даже на Госпитальную заглянул, правда ненадолго. Торопился. Уехал.

Написал он статью о малоземельцах. Положил на стол редактору. О многом было в статье рассказано. И о главном оружейнике сержанте Бартове, и об отважном разведчике Сергее Довбненко, и о других героях. Говорилось и о малоземельских улицах. Объяснял корреспондент, что понятие «улица» на Малой земле условное. Скажем, Пехотная улица – это вовсе не улица, а место, где находятся главным образом пехотные части. Матросская улица – место, где

больше моряков-десантников. Саперная – это там, где расположились саперные части. «Госпитальная, – писал корреспондент, – это то место, где расположился на Малой земле госпиталь».

Прочитал редактор статью. Понравилась ему статья. И все же. Вызвал он к себе молодого корреспондента:

– А вы на Малой земле бывали?

Странный вопрос. Поразился корреспондент.

А редактор снова:

– Так вы на Малой земле бывали?

– Как же, только оттуда, – сказал корреспондент.

– Нет, вы не были на Малой земле, – произнес редактор.

– Был, вот удостоверение, – говорит корреспондент. И показывает удостоверение, в котором сказано, что он действительно на Малой земле был.

– А на Госпитальной улице были? – новый вопрос у редактора.

– Был, – ответил корреспондент. – Правда, недолго.

– И видели госпиталь?

– Нет, госпиталь не видел, – признался корреспондент.

– То-то, – уже мягче сказал редактор.

Объяснил он молодому корреспонденту, что одно из мест на Малой земле названо улицей Госпитальной совсем не потому, что там расположился полевой госпиталь, а из-за того, что именно там было самое опасное место на всей Малой земле, самое открытое из всех открытых, самое простреливаемое фашистами из всех простреливаемых. Не избежишь здесь фашистской пули. Отсюда прямая дорога в госпиталь. Вот почему и названа улица Госпитальной.

Строгим был редактор, выговор хотел объявить корреспонденту.

Однако не объявил. Ограничился предупреждением.

Переживал новичок свою оплошность. При первом же случае снова на Малую землю поехал. Побывал опять на Госпитальной улице. Исходил ее вдоль и поперек.

– Герой! – восхищались на Малой земле отважным.

На всю жизнь запомнил молодой корреспондент историю с Госпитальной улицей. Накрепко усвоил журналистское правило: пиши лишь о том, что своими глазами видел.

С востока, с запада, с юга

Приближался день освобождения Новороссийска. Войска, штурмовавшие оборону фашистов, были разделены на три группы: две сухопутные и одну морскую. Первая группа должна была атаковать Новороссийск с востока. Вторая – это герои Малой земли – наносила удар с запада. Были еще десантники – третья группа. Их задача: прорваться в город Новороссийск на судах с юга, с моря, через Цемесскую бухту. На берегах этой бухты и расположился Новороссийск.

9 сентября 1943 года в 2 часа 44 минуты утра штурм Новороссийска начался.

800 орудий обрушили свой огонь на врага. Заговорили знаменитые «катюши». В небе показались советские бомбардировщики. Застонала, загудела кругом земля.

Первыми на штурм города устремились торпедные катера. Минута. Вторая. Третья. Раздались взрывы страшной силы. Это катера наносили торпедный удар по береговой обороне фашистов, по молам и причалам новороссийского порта. И сразу же к берегу стали подходить суда с десантниками. Бойцы быстро сбегали на берег и тут же бросались в атаку.

В это же самое время с востока, с запада – с Малой земли – устремились на фашистов сухопутные подразделения.

Крики, как волны, идут над берегом:

- Ура!
- Полундра!
- Вперед!
- Даешь!

Вспугнули крики ночную мглу. Проглянула заря в небе: что там происходит внизу, под небом?

Растерялись вначале фашисты от неожиданной нашей атаки. Однако вскоре пришли в себя. Огнем на огонь ответили.

Упорно держались фашисты за Новороссийск. Немного у них в руках здесь, на Кавказе, советской земли осталось. Понимают фашисты: не удержат Новороссийск – значит, конец мечтам и планам, значит, и вовсе беги с Кавказа.

Метр за метром продвигаются наши войска вперед. В оборону врагов вгрызаются.

Безостановочно крики катятся:

- Ура!
- Полундра!

– Вперед!

– Даешь!

Шесть дней и шесть ночей шли упорные бои за город. С запада, с юга, с востока нажимали, давили наши. Все больше, все больше напора, гнева. Все больше мощи, все больше силы. Не выдержали фашисты. Не удержались. Дрогнули. Побежали.

Освободили советские воины Новороссийск.

Уже после бойцы вспоминали:

– Тремя группами брали Новороссийск. – И называли: – С востока – раз, с запада, с Малой земли, – два, десантники с моря – три.

Всюду найдется поперечный, несогласный. Оказался и тут такой.

– Не тремя брали, не тремя, а одной, – вдруг заявил поперечный.

– Не одной, а тремя, – поправляют бойцы. – Тремя!

– Одной, одной, – улыбается поперечный. – Одной! – И добавляет: – Неудержимой!

Назовите фамилию

Непросто было советским торпедным катерам прорваться в Цемесскую бухту и подойти к новороссийским причалам. Вход в гавань был перекрыт фашистами. Протянули они от одного берега до другого толстый и прочный трос. Был он утоплен в воду. Сверху не виден. Да и вообще не были наши вначале полностью уверены – существует ли на самом деле такой трос.

Надо проверить.

Нелегко проверить.

Больше всех волновался командир бригады торпедных катеров капитан 2-го ранга Виктор Трофимович Проценко. Катерам его бригады и предстояло с моря штурмовать Новороссийск.

Прислали к командиру бригады разведчика. Глянул Проценко – крепыш, орел.

Для того чтобы разведать, существует ли трос на самом деле, надо было доплыть до входа в гавань и вернуться обратно. Расстояние в одну сторону – 5 километров.

– Доплыву, – заявил разведчик.

Ночью подвезли разведчика к берегу. Отправился отважный в сложный и опасный путь. По морю плыть не по тропе бежать.

Медленно тянется время. Взмах руками, взмах, еще взмах... Неохотно даются метры.

Добрался разведчик к цели только к рассвету. Не станешь же днем, на виду у фашистов, что-то исследовать в гавани.

Забился разведчик под стойки пирса. Замер. Затих. Заглох. Дождается новой ночи.

Медленно тянется время. Вот солнце с востока проклюнуло небо. Вот поползло по небу. Неохотно идет к зениту.

– Поторопись, поторопись, – подгоняет разведчик.

Шестнадцать часов просидел герой, прижимаясь к опорам причала. Истомился. Продрог. Есть хочется. Но вот подошло к закату, опустилось на отдых солнце.

Приступил разведчик к нелегкой своей работе. Нырлял. Нырлял. Разыскал он трос. Значит, все верно: заслон имеется. Даже прошелся герой по тросу. В разных местах глубину измерил. В центре как раз глубина по грудь.

Отправился разведчик в обратный путь.

Ждет известий капитан Проценко, волнуется.

– Прибыл?

– Нет.

– Прибыл?

– Нет.

И вдруг донесение – разведчик в госпитале.

Оказалось, когда возвращался разведчик назад, к своим, набежали над бухтой тучи, начался дождь над морем. Все круче, все круче пошла волна. С трудом добрался герой до берега. Однако снесло разведчика в темноте. Вышел он не в том месте, где его ожидали. Попал на минное поле. Попал на мину. Чуть не погиб при взрыве.

Привезли его в госпиталь. Долго лежал он без чувств, в беспомощности. К приезду в госпиталь капитана Проценко разведчик пришел в себя. Доложил капитану:

– Есть трос, товарищ капитан второго ранга. Имеется.

Сказал и снова лишился чувств.

Важными были данные. В ту штормовую ночь, когда началось освобождение Новороссийска, первыми к входу в новороссийскую гавань подошли два катера.

Специальными устройствами – тралпатронами – подорвали они преграду. «Вход свободен!» – был дан сигнал. Вот тогда-то и устремились вперед торпедные катера.

Многие прославились при штурме Новороссийска. Известны людям славные имена.

Однако отважному разведчику не повезло. Подвиги многих разведчиков держались тогда в секрете. Так и осталась нераскрытой его фамилия.

Кто знает героя, кто помнит героя – ждем! Отзовитесь!

Старшина Иван Прохоров

Старшина 1-й статьи Иван Прохоров принимал участие в освобождении Новороссийска. Был он в группе моряков-десантников. Когда катера подошли к берегу, вместе со всеми он спрыгнул на землю, вместе со всеми пошел в атаку.

Знают все Прохорова. Отважен в бою старшина. Находчив в бою старшина. Один он троих заменит.

Высадились моряки в районе городской электростанции. Здесь с особой силой оборонялись фашисты. С первых же шагов отличился Прохоров. Прямо на наших бил пулемет. Пока пулемет в работе, не пробиться без крупных потерь десанникам. Понимает это прекрасно Прохоров. Вот бы гранатой врага достать! Метнул он гранату, затем вторую. Достигли гранаты цели. Прекратился огонь смертельный, уничтожен расчет фашистский.

Замолчал пулемет. Но не кончен бой. Завязалась рукопашная схватка. Тверда рука у старшины Прохорова, могуч удар. Встретился он лицом к лицу с гитлеровцами. Взметнулся приклад, и вот – нет врага.

Вновь набежал другой фашист. Секунда. Не стало фашиста второго.

Третий летит. Штык, как копьё, – вперед. Рот – до ушей от крика. Секунда. Еще секунда. Не стало фашиста третьего.

Прорвались бойцы вперед. Но тут новая преграда выросла перед моряками – проволочные заграждения. Да не просто колья и колючая проволока, а целая заминированная полоса.

Остановились десантники. И сразу слева, справа по ним огонь. Гибель стоять на месте. Всегда кто-то первым бывает в деле. Всегда кто-то первым идет в атаку. Рванулся вперед Иван Прохоров. Ступил он на минное поле. Сделал несколько шагов. Раздался взрыв. Рухнул на землю Прохоров. Рухнул, но тут же встал.

– Не возьмешь! Не возьмешь! – грозно кричал матрос.

Устремился опять вперед. Снова раздался взрыв. Рухнул на землю Прохоров.

– Ранен!

– Ранен!

– Лежи! Не двигайся!

Однако снова герой поднялся.

– Не возьмешь!

Сделал он новый шаг. Всего лишь два шага насчитали тогда бойцы. С новой силой раздался взрыв. Прокатился он гулким эхом. От этого взрыва – другие взрывы.

Не поднялся больше отважный воин. Совершил он подвиг на поле боя. Всегда кто-то первым бывает в деле. Первым в бою, в атаке. Храбрым из самых храбрых.

Открылся от взрывов проход в минном поле. Устремились вперед десантники:

– Смерть фашистам за смерть героя!

Гадание на Ромашкине

Есть такая игра-гадание: «любит, не любит», «будет, не будет» – гадание на ромашке.

Появился как-то в одной из наших частей боец-автоматчик Михаил Ромашкин.

Смотрят солдаты на Ромашкина, улыбаются, вспоминают игру-гадание:

– «Любит, не любит, будет, не будет».

Нашелся среди бойцов остряк и выдумщик. Предложил он гадание на Ромашкине.

Нет лепестков на Ромашкине. Нет лепестков, но... На то и смекалка солдатская.

Стали бойцы загадывать на шаги. Скажем, идет Ромашкин, впереди какой-нибудь предмет – камень, допустим, или куст на дороге. Загадывают солдаты, на какое слово у этого камня или куста попадет последний шаг Ромашкина: на «любит» или на «не любит», на «будет» или на «не будет».

Только увидят Ромашкина, сразу отсчет начинается.

Те, что гадают про любовь, твердят: «Любит, не любит». Те, что про разные другие слова загадывают, отсчитывают: «Будет, не будет».

Хорошо, удобно гадать на Ромашкине. Круглый год у него сезон.

Началось это гадание еще в те дни, когда наши старались удержать город Грозный. Удержали наши тогда город Грозный.

На город Орджоникидзе потом гадали.

Отстояли воины Орджоникидзе.

На Нальчик гадали: отобьем, не отобьем у фашистов город Нальчик.

Отбили, освободили советские части Нальчик.

На многое гадали солдаты: будет ли письмо из дома, представят, не представят за бой к награде, завезут папиросы или махорку выдадут. Много есть, на что солдату загадать можно. Конечно, чушь, ерунда гадание. Да как-то подтолкнул солдат к забаве Ромашкин своей фамилией.

Летом 1943 года часть, в которой служил Ромашкин, была направлена под Новороссийск. Влилась она в 18-ю армию, которой командовал герой боев за Кавказ генерал Константин Николаевич Леселидзе.

Вскоре слух о рядовом Ромашкине и солдатской выдумке дошел до командующего армией. Усмехнулся генерал Леселидзе, понимал он шутку:

– Забавно!

И вот, было это как раз накануне боев за освобождение Новороссийска, попался рядовой Ромашкин на глаза самому генералу. Был с генералом Леселидзе его адъютант. Адъютант первым и заметил Ромашкина:

– Товарищ генерал, вот он, тот самый Ромашкин.

Посмотрел генерал – бравый солдат.

Заметил солдат генерала, подтянулся, перешел на строевой шаг, отдал, как полагается, честь.

«Хорош солдат, хорош!» – подумал про себя генерал.

Ромашкин пошел дальше.

Глянул генерал Леселидзе: ветка валяется впереди на пути солдата. Смотрит генерал на ветку и вдруг неожиданно для себя начинает считать: «Будет, не будет, будет, не будет».

Конечно, уверен генерал Леселидзе, что освободят войска Новороссийск, что будет наша победа. Все продумано, все подготовлено, все рассчитано. Чушь, ерунда, конечно, гадание, и все же считает. Был даже рад, когда выпало быть удаче.

Ударили войска с востока, ударили с Малой земли – с запада. Высадили морской десант прямо в Новороссийский порт. Ворвались, освободили Новороссийск.

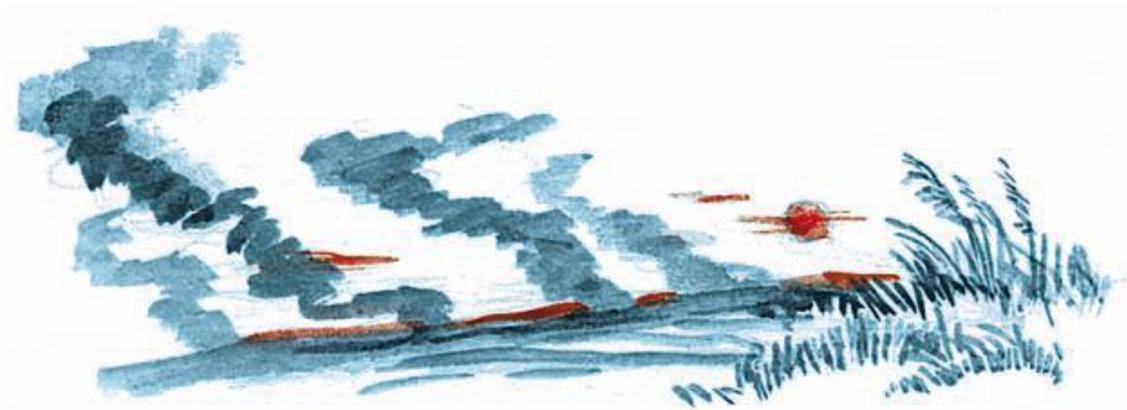
Вместе со всеми в боях за Новороссийск отличился и рядовой Ромашкин.

Висит на гимнастерке медаль у героя. Рады товарищи за Ромашкина.

Верной ногой ступили солдаты на новороссийскую землю. Твердой ногой, надежной.

«Голубая линия»

От Новороссийска и далее на север до самого Азовского моря, пересекая весь Таманский полуостров, тянулась сильно укрепленная полоса фашистской обороны. «Голубой линией» назвали ее фашисты.

Думали захватчики отсидеться здесь, за этой полосой, за «Голубой линией», считали, что она окажется неприступной для нашей армии.

«Голубая». Не впервые встречается подобное название в фашистской армии. Действовала когда-то у них под Ленинградом «Голубая дивизия». Несладко пришлось дивизии. Потрепали ее защитники Ленинграда. Пришлось дивизию снять с фронта. Шутили тогда ленинградцы: испарилась дивизия, как голубая мечта, растаяла.

Оказался здесь, на Тамани, боец, сражавшийся до этого под Ленинградом. Он и рассказал про «Голубую дивизию». Рассказал и тут же:

– Закон одного цвета.

Смотрят другие на ленинградца, впервые о таком законе слышат:

– Что такое?

– Какой закон?

– Закон одного цвета, – загадочно повторил боец.

«Голубая линия» действительно оказалась очень сильно укрепленной полосой в фашистской обороне Таманского полуострова. Одним из ее участков был город Новороссийск. Трудным боем он нашим войскам достался. Нелегко пришлось и в других местах. И все же не устояла фашистская «Голубая линия», рухнула. Перешагнули ее солдаты. Перешагнули, дальше стали громить врага.

Встретился тут снова бойцам ленинградец:

– Ну что – нет больше «Голубой линии»?

– Нет.

– Как голубая мечта, растаяла?

– Растаяла.

Напомнил он про фашистскую «Голубую дивизию», что была под Ленинградом.

– Невезучий, выходит, для фашистов голубой цвет. Вот вам и закон одного цвета.

Смеются солдаты:

– Верно!

– Ловко, считай, придумал!

Да только один боец стоял, стоял и вдруг:

– Выше, браток, бери выше.

Повернулись к нему другие.

– Выше, – повторил боец. – Может, и есть закон одного цвета. Да тут вовсе другой закон.

Сразу к нему солдаты:

– Какой же новый еще закон?

– Закон неизбежности, – произнес боец.

Все труднее, труднее в боях фашистам. Неизбежен их полный крах.

«Бабушка в окошке»

Советскими войсками, громившими фашистов на Северном Кавказе, командовал генерал Иван Ефимович Петров.

Прибыл как-то генерал Петров на базу торпедных катеров. Проходил к штабу. Вдруг слышит:

- Ставь «Гитлера»!
- Бью по «Герингу»!
- Ваше здоровье, «Риббентроп»!

«Что такое? – поразился Петров. – При чем здесь Гитлер? При чем ближайшие его помощники, Геринг и Риббентроп?»

Посмотрел он удивленно на сопровождавшего его морского офицера.

– Городки, товарищ генерал, – ответил офицер.

Оказывается, на территории базы торпедных катеров была оборудована городошная площадка. Кто-то специально посоветовал морякам-торпедникам в промежутках между боями, в часы отдыха, играть в городки. Игра спортивная, полезная. Развивают моряки меткость глаза. Мышцы на руках тренируют.

Задача при игре в городки – быстрее выбить городошные фигуры. В руках у играющих деревянные палки – биты, фигуры состояются из деревянных продолговатых чурок, которые и называются городками. В каждой фигуре их пять. Фигур несколько. У каждой свое название. Есть «пушка», есть «письмо». Есть фигура, напоминающая змейку, есть укладывающаяся в виде колодца. Одна из фигур называется «бабушка в окошке». Ставятся четыре городка как бы окошком, а из него выглядывает пятый. Это и есть «бабушка в окошке».

Городки – игра азартная, веселая. Кто-то придумал шутку. Стали моряки называть городошные фигуры именами главных фашистов. Появилась фигура «Гитлер», была «Геринг», была «Гиббельс». Одну из фигур назвали фамилией министра иностранных дел фашистской Германии – «фон Риббентроп». «Бабушкой в окошке» назвали фельдмаршала Клейста.

После смещения генерал-фельдмаршала Листа генерал-фельдмаршал Клейст был командующим всеми фашистскими войсками, сражавшимися на Кавказе.

Заинтересовался Петров городками. Вышел к городошной площадке. Как раз размахнулся один из играющих. Кричит:

– Луплю по «Геббельсу»!

Полетела бита, ударила в городки. Разлетелся на части «Геббельс».

Понял Петров, в чем дело, рассмеялся.

Увидели игроки генерала:

– Смирно!

– Вольно, вольно, – проговорил Петров. – Продолжайте.

Поставили на площадке новую фигуру. Оказалась ею как раз «бабушка в окошке».

– «Фельдмаршал Клейст», – шепнул Петрову сопровождающий офицер.

Прицелился играющий. Бросил битую. Да мимо. Смутило, видимо, его присутствие генерала Петрова. Повезло «фельдмаршалу Клейсту».

– Ну что же, бывает, – сказал Петров.

Пожелал он морякам успехов в боях. Прошел в штаб, а вскоре и вовсе уехал с базы.

Повезло «фельдмаршалу Клейсту» в городках, а вот на Кавказе – нет.

Вскоре советские войска под командованием генерала Петрова перешли в решительное наступление. Нанесли они сокрушительный удар по фашистам. Гитлеровские войска на Северном Кавказе были окончательно разбиты. Бежали генерал-фельдмаршал Клейст и другие фашистские генералы.

Шутили тогда моряки:

– Выбил Петров Клейста. Скончалась «бабушка в окошке»!

«Кримгильда» и «Брунгильда»

Ефрейтора Ефима Папаева прозвали Брунгильдой. Возмутился Папаев, протестовал.

Однако со всех сторон:

– Брунгильда! Брунгильда!

Смеются, хохочут. Хорошее настроение у солдат.

Брунгильда – это древнее немецкое женское имя.

И рядовой Овечкин протестовал. Прозвали его Кримгильдой. Кримгильда – это тоже немецкое женское имя.

Почему же ефрейтор Папаев и рядовой Овечкин вдруг стали Брунгильдой и Кримгильдой? Вот откуда пошли имена.

Бои на Северном Кавказе приближались к концу. Оставался в руках у фашистов лишь один Таманский полуостров. Ясно фашистам: не удержаться им здесь, на Тамани, пора уходить с Тамани. Составили фашистские штабы план отступления, назвали этот план «Кримгильда». Таманский полуостров с трех сторон окружен водой. С севера – Азовское море, с юга – Черное, напротив Таманского полуострова – Керченский пролив. Через Керченский пролив и собирались фашисты уйти с Кавказа.

Назвали фашисты свой отход эвакуацией. Так и значилось в фашистских бумагах: медленная планомерная эвакуация. И рядом засекреченное ее название – «Кримгильда».

Однако не долго действовал план «Кримгильда».

Стали советские войска наносить один за другим сокрушительные удары по врагу. Поняли фашистские генералы: медленная эвакуация может закончиться полным разгромом фашистских войск здесь, на Таманском полуострове. Заменили они срочно план «Кримгильда», то есть план медленной эвакуации, на другой, на план ускоренной эвакуации. Назвали его «Брунгильда». Не спасла фашистов «Кримгильда». Не спасла и «Брунгильда». Нанесли

советские армии и моряки Черноморского флота и Азовской военной флотилии сокрушительные удары по врагу. Побежали фашисты с Таманского полуострова.

После окончательного разгрома фашистских войск на Северном Кавказе, после полного освобождения Таманского полуострова во многих наших частях были устроены праздники. Был он и в части, в которой служили ефрейтор Папаев и рядовой Овечкин.

В программу праздника входили и спортивные состязания. Был бег на сто, на двести и на тысячу метров. Стартовали солдаты на сто метров. Первым к финишу прибежал ефрейтор Папаев. Бежал он быстро-быстро, как говорят – только пятки сверкали.

Смотрят солдаты, как быстро бежит Папаев. Кто-то сказал:

– Брунгильда!

И на двести метров Папаев прибежал первым, и на тысячу.

Смеются солдаты:

– Брунгильда! Брунгильда!

А солдат Овечкин оказался бегуном неважным. Во всех трех забегах был на последнем месте.

Вот и прозвали его Кримгильдой.

Появилась в части у них Кримгильда. Появилась в части у них Брунгильда. Хорошее настроение у солдат.

Посмеялись солдаты над своими товарищами. Оставили бегунов в покое. Снова стал ефрейтор Папаев – Папаевым, стал снова солдат Овечкин – Овечкиным.

Однако не забылась «Кримгильда», не забылась «Брунгильда».

О том, как бежали фашисты с Кавказа, как добивали на Таманском полуострове наши войска фашистов, о «Кримгильде» и о «Брунгильде», ныне во многих научных трудах написано, в военных академиях изучают.

Долгими, упорными были бои за Кавказ. Глубоко в советскую оборону вторглись фашистские захватчики. Таманский полуостров, земли на Кубани, на Тереке, Ставропольская возвышенность, Сальские степи – все это оказалось в руках врагов. Фашисты подошли к кавказским перевалам и стали угрожать Закавказью.

Великую стойкость и героизм, великую волю к Победе проявили советские люди, защищая Кавказ.

Шагает, шагает время.

Завершилось сражение за Кавказ. Но продолжается бой с врагами. Разъехались к новым местам солдаты. Не закончен ратный солдатский труд. Новые битвы с фашистами ждут их.

